

ТЗ(о)
Д 21

Б. Д. ДАЦЮК

ЮРИЙ
КРИЖАНИЧ

О Г И З · ГОСПОЛИТИЗДАТ

1946

Б. Д. ДАЦЮК

ЮРИЙ
КРИЖАНИЧ

ОЧЕРК
ПОЛИТИЧЕСКИХ И ИСТОРИЧЕСКИХ
ВЗГЛЯДОВ

О Г И З
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1 9 4 6

ВВЕДЕНИЕ

Всматриваясь в исторические судьбы славянских народов, можно отчетливо проследить, как на протяжении многих столетий, начиная с самого раннего средневековья, болгары, сербы, хорваты, словенцы, чехи, словаки, поляки всегда стремились к взаимному сближению и тесному союзу с великим русским народом. В этом единении они издревле видели прочные гарантии своей свободы и безопасности.

Одним из наиболее ранних поборников свободы и идеологов единства славян, ярким выразителем народных чаяний и стремлений был выдающийся гуманист, хорват по происхождению, Юрий Крижанич.

Научная разработка сочинений Крижанича началась лишь через два столетия после того, как были написаны его главные труды.

Начало изучению жизни и творчества Крижанича положили русские ученые XIX в. Коялович и др.¹

¹ В соответствии с нашей темой в данном кратком обзоре мы останавливаемся лишь на работах, так или иначе трактующих исторические и политические взгляды Крижанича. Подробный разбор обширной литературы, посвященной биографии Крижанича, а также его экономическим воззрениям и филологическим трудам, см. у С. А. Белокурова в его капитальном исследовании «Юрий Крижанич в России» («Из духовной жизни московского общества в XVII в.», М. 1903). Из весьма многочисленных работ о Крижаниче, вышедших после появления сочинения Белокурова, необходимо отметить биографическое исследование В. Ягича «Жизнь и творчество Юрия Крижанича» («Труды Югославянской академии», 1917—1928) и работу В. И. Пичета «Экономические и политические взгляды Ю. Крижанича в связи с внутренним состоянием России во второй половине XVII века» (Летопись Екатеринославской Уч. арх. комиссии), т. II, 1904.

В советской историографии кроме упоминания о Крижаниче в общих курсах истории СССР были опубликованы статьи члена-корреспондента Академии наук С. В. Бахрушина «Юрий Крижанич» («Исторический журнал» № 1—2, 1942), наша статья «Юрий Крижанич и русский

Широкой известности Крижанича как политического мыслителя способствовали исследования его трудов, проделанные известным в свое время профессором славяноведения Казанского университета П. А. Безсоновым.

В 1859 г. в приложениях к славянофильской «Русской беседе» начали выходить отдельные выпуски глав из сборника, составленного Крижаничем и озаглавленного издателем «Русское государство в половине XVII в.»

По мотивам, довольно трудно объяснимым для научного издания, Безсонов нигде не называл Крижанича автором этой книги. Сборник был снабжен общим подзаголовком «Рукопись времен царя Алексея Михайловича». Это было весьма нелогично, ибо, сохраняя свой подзаголовок, Безсонов уже в предисловии к III выпуску должен был, во избежание кривотолков, заявить о том, что автор рукописи ему известен.

Выпуская в свет сборник, оставшийся в Москве после отъезда Крижанича в XVII в., Безсонов проделал большую и весьма трудоемкую работу. Расшифровка рукописи, находившейся в черновом виде, составление подстрочных терминологических примечаний—огромная научная заслуга Безсонова. Сборник до сих пор остается главным источником для изучения трудов Крижанича.

В связи с изданием сборника Безсонов предпринял поиски сочинений Крижанича в различных государственных архивохранилищах. Он тогда же обнаружил ряд других его рукописей и привлек к изучению творчества Крижанича внимание довольно широкого круга специалистов—историков и правоведов.

Перу Безсонова принадлежит ряд статей о Крижаниче. Характерно, что он всюду старается восстановить биографические подробности жизни Крижанича и лишь вкратце касается его общественно-политических взглядов. Это несомненно является слабым местом в трудах Безсонова и до некоторой степени объясняется тем, что он не был специалистом-историком; трактовка данных вопросов была как бы побочной по отношению к его научным интересам.

Появление сочинений Крижанича в славянофильской «Русской беседе», близость Безсонова к издателям этого журнала не

народ» («Славяне» № 3, 1944), изданная в расширенном виде отдельной брошюрой на хорватском языке в 1944 г. на освобожденной территории Югославии (из-во «Вестник»), и др.

могли не сообщить известной окраски его взглядам на Крижанича. С наибольшей полнотой обрисовывается отношение Безсонова к политическим идеям Крижанича в первой же статье, опубликованной в качестве предисловия к первому выпуску трудов Крижанича. Эта статья выглядит как совершенно определенная попытка оценить взгляды Крижанича в свете исторической славянофильской схемы и связать его творческие идеи именно с этим направлением русской общественной мысли. Поэтому она звучит как программа, определившая весь дальнейший ход научных изысканий Безсонова.

Стремлением Безсонова сблизить взгляды Крижанича с собственными идеями и объясняется чрезвычайная узость и односторонность его работы. Безсонов пытается нарисовать общую картину исторического развития русского государства за два последних столетия. Повторяя известную шеллингианскую схему, он рассматривает историю «как явления развивающейся природы человеческого духа». Он подчеркивает, следуя характерной для славянофилов идеализации древнерусского общественного строя, «искусственность» петровских реформ, «вдавленных в организм русской жизни могучею рукою Петра I»¹.

Наибольшую трудность для Безсонова как раз и представляла оценка с этих позиций общественно-политических взглядов Крижанича, близких не столько XVII в., сколько эпохе петровских преобразований. Сознвая это и указывая на свое сочувствие патриотическим идеалам Крижанича, Безсонов тем не менее решительно заявлял: «Нас делит эпоха Петра»².

Славянофильская схема не позволила Безсонову по достоинству оценить «Политичны думы»—наиболее интересную часть издаваемого им сборника. Славянское государство, нарисованное Крижаничем в этом сочинении, с его централизованной государственной властью, т. е. единственной тогда формой, в которой могли бы складываться национальные государства, воспринималось Безсоновым с позиций XIX в. как отчужденное от народа (т. е. в свете известного аксаковского положения о противоречии «государства» и «земского дела»).

Даже характер «Политичных дум»—точнее говоря, попытка Крижанича отвлечься от конкретных исторических данных, обобщить их, придать своему сочинению вид своеобразной

¹ «Русское государство в половине XVII в.» (Приложение к «Русской беседе» № 1, М. 1859), стр. III.

² Там же, стр. XXVII.

утопии—ошибочно расценивался Безсоновым как некое малодушие его автора.

Как утверждает Безсонов, у Крижанича «виден везде страх проговориться, робость... потребовались многочисленные намеки, околичности, ссылки на какой-то чужой народ, на какие-то иностранные державы»¹.

Особенно резко обрушивался Безсонов на Крижанича за высказанные им преобразовательные мысли, которые в дальнейшем совпали со многими нововведениями Петра. Безсонов упрекает Крижанича и в том, что в самой стойкости основных народных начал он готов видеть косность, «препятствие развитию и хотел бы переломить их упорство и самые начала пустить в ход переработки»².

Общий вывод, сделанный Безсоновым о трудах Крижанича, также далеко неблагоприятен. Заканчивая статью, он указывал, что это дает «нам жалкое право произносить нередко суровый приговор над планами такого преобразователя, каков наш автор»³.

В дальнейших своих статьях о Крижаниче Безсонов выступал с восторженной идеализацией его творчества. Однако он полностью обходил молчанием общественно-политические взгляды Крижанича, сосредоточиваясь главным образом на биографических моментах. Безсонову удалось создать наиболее полную для того времени биографию Крижанича, сохранившую свое научное значение вплоть до появления известного труда Белокурова.

(Правда, Безсонов в значительной степени антиисторичен в освещении патриотических идеалов Крижанича. Вернувшись к изучению творчества Крижанича в 70-х годах—в момент борьбы славянских народов против Турции,—Безсонов в своих статьях связывал его идеи не только с тем движением, которое было характерным для 70-х годов (добровольчество, деятельность Аксакова в Славянском комитете), но и пытался сблизить их с внешнеполитическими планами царского правительства.

Безсонов первый приписал Крижаничу родство с позднейшими великодержавными теориями панславизма. Эта, совершенно чуждая взглядам Крижанича, интерпретация пережила не только самого Безсонова, но и научное значение его трудов. Ложное отношение к Крижаничу: как к основоположнику русского пан-

¹ «Русское государство в половине XVII в.» (Приложение к «Русской беседе» № 1), стр. XXVII.

² Там же, стр. XXVI.

³ Там же, стр. XXVII.

славизма стало с 70-х годов известной традицией всех не только научных, но и популярных справочных изданий.

Подобного же антиисторизма не избежал и А. Г. Брикнер. Дав ряд ценных исследований экономических взглядов Крижанича, с большой убедительностью проследив его родство с эпохой Петра I, Брикнер в 1876 г. поместил в «Древней и Новой России» статью «Юрий Крижанич о восточном вопросе», где на основании высказываний Крижанича о необходимости возвращения России причерноморских и приазовских земель, занятых татарами, делал вывод о том, что Крижанич якобы призывал в свое время русских к войне с турками.

В 1891 г. М. Соколов сделал попытку пересмотреть до известной степени взгляды Безсонова и Брикнера на творчество Крижанича. Открыв неизвестное до того времени «Толкование исторических пророчеств», М. Соколов в своем труде считал главной целью остановиться на тех подробностях биографии Крижанича и его сочинений, «которые могут иметь значение для устранения указанного разногласия в суждениях о нем»¹. Эти разногласия заключались прежде всего в крайне противоречивой трактовке идей Крижанича. Считалось, что в «деятельности Крижанича в России вероисповедный вопрос не имел важного значения; полное преобладание имели интересы и цели национальные и политические»².

М. Соколов помимо открытого им «Толкования исторических пророчеств» воспользовался неизвестной до тех пор в России перепиской Крижанича с Конгрегацией пропаганды веры. Это были документы 40—50-х годов XVII в., т. е. относящиеся к тому времени, когда Крижанич еще верил в возможность освобождения и объединения славянства с помощью Рима.

Отбрасывая хронологическую обусловленность писем Крижанича, не указывая даже на позднейшие антиклерикальные высказывания их автора, М. Соколов считал возможным признать, что церковно-религиозные мотивы, характерные в творчестве Крижанича лишь для 40—50-х годов XVII в., определяют его мировоззрение. Иначе говоря, М. Соколов сбросил со счетов не что иное, как те патриотические планы, которые и были главным образом характерны для Крижанича, воплотившего в своих сочинениях освободительные чаяния сербов, чехов, хорватов и других славянских народов.

¹ М. Соколов, Материалы и заметки по старинной славянской литературе, вып. второй, VI, Спб. 1891, стр. 2.

² Там же.

Работа Соколова создала еще одно неверное представление о Крижаниче как о монахе-иезуите, собиравшемся действовать в пользу сближения России с Римом. А ведь нет никаких фактов, относящихся к 60—70-м годам XVII в., которые хотя бы отчасти подтвердили этот вывод. К этому взгляду примыкал и Бережков.

На взглядах Крижанича остановился Г. В. Плеханов, посвятивший его трудам небольшой очерк в своей «Истории русской общественной мысли».

В своих выводах Плеханов опирался на серьезное знакомство с бесоновским изданием, правда, известным ему в сокращенном варианте. Плеханов первый в русской историографии сумел отвлечься от традиционных представлений о Крижаниче, рассматривая его как самостоятельного крупного политического мыслителя. Новым для того времени было и само по себе причисление Крижанича к представителям русской общественной мысли.

Плеханов с большой убедительностью сумел обрисовать идеи Крижанича на фоне современных ему, а также позднейших западноевропейских политических учений (Боден, Монтескье и др.). Свой очерк Плеханов строит главным образом на сопоставлении теоретических положений Крижанича с практическими мероприятиями петровской эпохи. Говоря о Крижаниче, Плеханов устанавливает, что его программа «во многих отношениях напоминает программу Петра»¹.

Расходясь с Безоновым, Плеханов довольно своеобразно интерпретировал политические и патриотические идеалы Крижанича. Так, отвергая связь Крижанича с панславизмом, он, тем не менее, называл его первым русским «славянофилом», хотя в дальнейшем почти не расшифровывал этого понятия.

Несколько особняком в историографии Крижанича стоит работа В. Вальденберга «Государственные идеи Крижанича», вышедшая в 1912 г. Это наиболее крупный труд из всей известной нам литературы о Крижаниче, целиком посвященный изучению его политических воззрений. Он до сих пор сохраняет свое серьезное научное значение.

Вальденберг с исключительной тщательностью исследовал сочинения Крижанича, останавливаясь на них главным образом с точки зрения историка государственного права. Ему удалось значительно подробнее, чем Плеханову, рассмотреть мировоз-

¹ Плеханов, Сочинения, т. XX, стр. 290.

зрение Крижанича в связи со средневековыми учениями Августина, Фомы Аквинского и др.

Вместе с тем, принадлежность данного труда перу не специалиста-историка сообщила известный оттенок всем суждениям Вальденберга. По существу он сводит взгляды Крижанича к различным вариантам разнообразных государственно-правовых норм, которые и рассматривает в свете учений того времени. Особенно ярко это сказывается при освещении Вальденбергом самого сложного вопроса в мировоззрении Крижанича, каким является признание монархии лучшей для того времени формой правления.

Ниже мы увидим, что этот взгляд был непосредственной политической аргументацией патриотических планов Крижанича. Он считал, что именно эта форма правления способна была в то время обеспечить успешное сопротивление славянских народов внешней опасности. Вальденберг отбрасывает эти предпосылки и рассматривает вопрос с чисто догматической точки зрения, что, естественно, приводит его к ряду неверных выводов.

Вальденберг считал, что рассуждения Крижанича о таких формах государственного строя, как «самовладство», «общевладство», «болярское владение» или «полиархия», являются не чем иным, как переводом соответствующих положений из «Политики» Аристотеля, и что они соответственно равнозначны аристотелевским понятиям.

Ссылка на Аристотеля в этом смысле кажется нам неосновательной. Формы правления, называемые Аристотелем, не совпадают с формами государственного устройства, предусмотренными Крижаничем. Особенно отчетливо это видно на примере «болярского владения» (иногда Крижанич называет его полиархией). Это не власть меньшинства, тогда как у Аристотеля это правильная форма правления, где немногие правят в интересах общего блага. Это феодальное раздробление власти, распадение страны на уделы, отсутствие централизованного управления государством, общего законодательства, общегосударственных вооруженных сил и пр., т. е. такая политическая форма, которая даже не была еще известна Аристотелю. Взгляд на монархию как на лучшую форму правления не мог быть заимствован Крижаничем из «Политики» еще и потому, что Аристотель, как известно, лучшей формой правления считал политию.

По нашему мнению, источником этих взглядов Крижанича следовало бы считать, с одной стороны, теоретические взгляды

Макиавелли, с другой—практический опыт русского государства.

Изучая преимущественно государственные идеи Крижанича, Вальденберг посвятил характеристике его исторических взглядов сравнительно небольшую главу—«Место России во всемирной истории». Подходя к этому вопросу с точки зрения юриста, Вальденберг и здесь не смог уловить исторической концепции Крижанича. Обращая внимание на многие яркие мысли Крижанича, как то: разоблачение легенды о призвании варягов, происхождении славян от скифов, о «Третьем Риме»,—Вальденберг не заметил Крижанича-историка, совершенно опустив его важнейший опыт критического изучения источников. Для Вальденберга было важно установить лишь взгляд Крижанича на происхождение Русского государства. Однако он отбросил при этом основную, патриотическую мысль Крижанича, которая заключена в его критических суждениях о призвании варягов, «Маестате» Александра Македонского и пр. Вальденберг увидел здесь нечто совершенно обратное тому, что хотел сказать Крижанич.

По мнению Вальденберга, Крижанич считал, что «русская история находится вне всякой связи с ходом всемирной истории»¹. Он расценивал это как попытку вычеркнуть русский народ из всемирно-исторического процесса. В действительности же, как мы увидим, Крижанич, отбрасывая легендарные исторические и генеалогические аргументы, встреченные им в различных источниках, создал самостоятельную историко-философскую схему, сводившуюся к признанию движения всех народов к высшей фазе развития—«мудрости». Причем славянству и русскому народу Крижанич отводил в этом всемирном прогрессе активную, самостоятельную роль. Вот почему слова Вальденберга, утверждавшего, что «Крижанич не оставил цельной теории, в которой бы определилось историческое значение России»², конечно, являются необоснованными. Они требуют критического отношения и пересмотра.

Заканчивая обзор литературы о Крижаниче, нельзя не упомянуть о труде С. А. Белокурова «Юрий Крижанич в России». Эта работа написана в обычной манере С. А. Белокурова³, любившего сопровождать свои выводы ссылками и выдержками из

¹ Вальденберг, Государственные идеи Крижанича, Спб. 1912, стр. 156.

² Там же.

³ См. «О библиотеке Московских государей в XVI столетии», «О Польском приказе» и др.

разысканных им архивных материалов, снабжать их подробными документальными приложениями и т. д. По полноте собранных им фактов она в известной степени может считаться классической. Без знакомства с ней невозможно какое бы то ни было научное изучение трудов Крижанича.

Сам Белокуров весьма строго придерживался задачи, поставленной им перед собой: дать лишь наиболее полную биографию Крижанича, сознательно избегая всякой оценки его мировоззрения. Правда, по смыслу некоторых фраз Белокурова можно думать, что он разделял в этом вопросе известные взгляды М. Соколова.

Работая над своим трудом около 12 лет, Белокуров выбрал все, что прямо или косвенно относилось к Крижаничу, в богатейших документальных собраниях Московского главного архива иностранных дел, Дворцового архива и архива Министерства юстиции. В итоге ему удалось с большой полнотой восстановить картину жизни Крижанича в Москве за периоды 1659—1661 гг. и 1676—1677 гг., а также в Тобольске за период 1661—1676 гг.

В исследовании Белокурова опубликован ряд неизвестных документов, принадлежащих Юрию Крижаничу. Таковы его «Сербское письмо», «Челобитная», посланная сразу же после приезда в Москву, и «Челобитная Федору» (1676 г.), где Крижанич перечисляет все свои труды, выполненные им в Русском государстве.

Не ограничившись поисками в русских архивах, С. А. Белокуров воспользовался документами, присланными ему из архивов Рима и Вены. Изучение этих источников позволило заново пересмотреть биографию Крижанича, созданную в свое время Безсоновым, и исправить массу вкрапившихся в нее ошибок.

Исключительно большую роль играют обширные «Приложения», как бы завершающие труд Белокурова. На русском языке он впервые опубликовал переписку Крижанича с Конгрегацией пропаганды веры, имеющую первостепенное значение для изучения его ранних политических взглядов. Здесь же опубликовано несколько сочинений Крижанича по новым спискам. Наконец, здесь мы находим чрезвычайно важные сведения о документах, касающихся Крижанича и хранящихся в заграничных архивах.

Работы В. Вальденберга и С. А. Белокурова подытоживали полувековое изучение жизни и творчества Крижанича. После Белокурова и Вальденберга никто уже не предпринимал

попыток к изучению биографии Крижанича и его общественно-политических взглядов.

Марксистско-ленинская историческая наука впервые открыла путь к подлинно научному объяснению исторических явлений и в частности такого сложного вопроса, как история общественной мысли, где всегда особенно ярко сказывалась ограниченность буржуазно-дворянской историографии.

Ограничиваясь в данном случае сравнительно узкой темой — освещением исторических и политических взглядов Крижанича, — мы в своей работе, естественно, не исчерпываем всего многообразия его литературного наследия. Всестороннее изучение сочинений Крижанича требует объединенных усилий историков и экономистов, филологов и философов.

Опираясь во многом на фактическую разработку биографии Крижанича, данную в историографии XIX и XX веков, мы, тем не менее, позволили себе в ряде моментов разойтись со сложившимися мнениями, ставшими до некоторой степени традицией.

Это относится прежде всего к взгляду на самый источник не как на единое произведение (мнение Брикнера, Безсонова и Белокурова), а как на сборник, включивший в себя различные произведения, написанные в разное время.

Сопоставление отдельных частей этого сборника с некоторыми другими сочинениями, особенно с ранними письмами Крижанича, позволило нам пересмотреть взгляды Соколова о безусловном превалитете церковно-религиозных идей в мировоззрении Крижанича. Нам кажется возможным говорить о двух главных периодах в жизни Крижанича. К первому из них (40-е годы — начало 50-х годов XVII в.) относятся его активные поиски средств к объединению и освобождению славянства, в которых он первоначально пытается опереться на помощь католической церкви. Второй период характеризуется постепенным отходом Крижанича от этих позиций, резкими нападками на церковь и самого папу, окончившимися формальным разрывом с Римом. К этому же периоду относится отъезд Крижанича на Украину и его участие в борьбе за сохранение союза украинского народа с русским государством. Нам удастся, наконец, постепенно проследить и развитие патриотических идеалов Крижанича, связав их с освободительными чаяниями славян, поработанных иноземными завоевателями.

Проследив постепенное развитие мировоззрения Крижанича, мы получили возможность сделать попытку представить исторические взгляды Крижанича в возможно стройном виде. При

этом стала видна огромная критическая работа, проделанная Крижаничем над нашими русскими источниками, сохраняющая вплоть до наших дней свое значение. Обобщение результатов этой работы выливается у Крижанича в самостоятельную теорию исторического развития как единого общечеловеческого процесса.

Наконец, опираясь в известной степени на формальный анализ сборника, изданного Безсоновым, и на изучение патриотических и исторических взглядов Крижанича, мы получили возможность выделить «Политичны думы» в качестве своеобразного утопического сочинения, посвященного проблеме создания независимого и сильного славянского государства.

ГЛАВА I

ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ИДЕАЛЫ ЮРИЯ КРИЖАНИЧА

Юрий Крижанич—выдающийся мыслитель XVII века, один из первых крупнейших идеологов славянской солидарности, создатель обширной освободительной программы, направленной против немецкой агрессии,—прошел, как это ни странно, мало замеченным среди своих современников. В литературных памятниках XVII столетия почти не сохранилось следов его деятельности. Документальные и литературные источники для биографии Крижанича весьма скудны как по количеству, так и по полноте сообщаемых ими фактов¹. Сам Крижанич не оставил ни мемуаров, ни сколько-нибудь систематического жизнеописания. Мы не знаем ни детства его, ни юности, не можем судить и о семейной обстановке в доме родителей Юрия—Крижаничей-Неблюшских, где он провел первые годы своей жизни. Нам известно лишь, что отец Юрия—Гаспар Крижанич-Неблюшский происходил из древнего, но обедневшего хорватского дворянского рода. Юрий родился, видимо, в самом конце 1618 г., неподалеку от современного города Бихача (по собственным словам Крижанича: «Между Купой и Вуной реками в уездах Бихаца города»). Судя по всему, он был единственным сыном в семье. Кроме Юрия у Гаспара Крижанича была еще дочь (впоследствии Юрий в различных документах часто упоминал о своем зяте, к которому, кстати сказать, относился весьма неприязненно).

Мы знакомимся с Крижаничем как с человеком, уже обладающим более или менее сложившимися взглядами, по его сочинениям, т. е. после 40-х годов XVII в.

¹ Список документов, относящихся к Крижаничу, как опубликованных, так и хранящихся в заграничных (главным образом римских) архивах, см. у С. А. Белокурова, Из духовной жизни московского общества XVII в. Приложение X. Там же обзор русских документальных источников по теме. Приложение XI.

Выбор жизненного поприща не мог принадлежать свободной воле самого Крижанича. К духовной карьере его, видимо, готовили родители. Они остановились на этом выборе в связи с тем, что пошатнувшееся материальное положение семьи не оставляло для их сына возможностей к получению какой-либо государственной должности.

Рано осиротев, — «оставшись после отца своего мал», — Крижанич попал на попечение дяди, который сразу же отдал юношу в Загребскую духовную семинарию. Здесь его выдающиеся способности привлекли внимание духовного начальства, принявшего на себя все заботы о дальнейшей судьбе молодого семинариста. После окончания семинарии Крижанич на средства Загребской епархии был послан в Вену, а затем в Болонью, где в 1640 г. закончил свое духовное образование в хорватской коллегии. Прослушав в Граце курс философии, он получил степень магистра. При возведении в степень имени магистров располагались согласно их научным заслугам. «Я, — говорит Крижанич, — оказался шестым среди 30 товарищей, как можно видеть в каталогах, напечатанных в 1638 г., и защитил выводы по всей философии».

Блестящее завершение образования с последовавшим возведением молодого ученого в степень доктора богословия открыло перед Крижаничем самые радужные перспективы. «Меня призывали ко дворам, — вспоминал он впоследствии, — граф Петр Зоиний и граф Франгипан, генерал карловацкий, а Иоанн Драшкович с условием сохранения канониката и надежды на более доходные должности, по собственному его ходатайству у цесарского величества»¹.

Привлекательность этих предложений получает особенное значение, если вспомнить о бедности, которая преследовала Крижанича и в годы юности и значительно позднее. Тем не менее, он не колеблясь отвергает их.

В одном из своих писем Крижанич рассказывает: «...за недостатком для себя и для слуги шерстяной и полотняной одежды, хожу теперь совсем грязный и заскорузлый. И мне не на чем спать: ибо здесь нигде не дается постели, но каждый должен сам всегда иметь с собою какую-нибудь подстилку; а у

¹ Белокуров, Из духовной жизни московского общества XVII в. Приложения, стр. 177.

меня такой нет, и я день и ночь оставаясь в том же платье, изнасил его»¹.

Нищенское существование отягощалось для Крижанича постоянным беспокойством о судьбе матери, столь же мучительно страдавшей от бедности. Мать Юрия еще в начале 50-х годов была жива. Во всех своих тогдашних обращениях в Рим Крижанич постоянно упоминает о ней. Он умоляет кардиналов Конгрегации пропаганды веры предоставить матери хоть какую-нибудь денежную поддержку. В подобных условиях отклонение доходных должностей, которые могли бы ввести Крижанича в круг высшего католического духовенства при дворах имперских правителей Хорватии, безусловно требовало от него огромного самопожертвования. По собственному признанию Крижанича, он отклонял все эти выгодные предложения, так как боялся среди придворных удовольствий упустить из виду совсем другие планы, которые созрели у него в то время. Их осуществлению он решил посвятить всю свою жизнь. Каковы были эти планы, показали первые же шаги Крижанича на самостоятельном поприще.

Крижанич вступил на жизненный путь в годы, крайне тяжелые для славянства. Большинство западных и южных славян находилось тогда под властью иноземных—турецких и главным образом немецких—завоевателей. При жизни Крижанича пала под натиском немецких завоевателей Чехия, последнее независимое государство славян на западе.

Крижанич видел, как немецкие феодалы, утвердившиеся—«где явной ратью, где хитрыми збегами»—на землях по Эльбе и Одру, на среднем Дунае и в Альпах, «выжили» славян «из целых держав: из Муравы (Моравии), из Помория, из Слезка (Силезии), из Прусов», и углубились на востоке, до западных пределов Речи Посполитой. В Чехии, также оказавшейся теперь под властью немцев, как указывает Крижанич, «мало что уже словенского рода остается в градах»².

Крижанич наблюдал, как немецкая агрессия лишала славянские народы жизненных возможностей для их национального развития. «Немцы... везде суть нас от моря, и от великих судоносных рек, в широкое поле земли орать загнули»³,—замечает Крижанич.

¹ Белокуров, Из духовной жизни московского общества XVII в. Приложения, стр. 170.

² «Русское государство в половине XVII в.», ч. 1, М. 1859, стр. 215.

³ Там же, стр. 216.

К тому времени иноземцы разными способами оттеснили славян от занятий торговлей и ремеслами, обрекая их на вымирание. На славянских землях, о которых говорит Крижанич, уже внедрились немцы-колониисты или пришлые феодалы, вероломно захватывающие чужие территории, убивающие и вытесняющие их прежних обитателей.

Экономическое порабощение славянства сопровождалось свирепым национальным угнетением. В захваченных немцами городах славяне обычно исключались из состава полноправных граждан. Они часто лишались возможности жить в благоустроенных кварталах. В этих городах для славян специально отводились особые, окраинные улицы и предместья, где они могли селиться.

Цеховые и гильдейские статуты в славянских городах, подвергавшихся немецкому захвату в XV—XVI вв., предусматривали прием в цехи и гильдии только тех людей, которые могли доказать свое немецкое, по отцу и матери—а не славянское—происхождение¹. Все проявления национальной самобытности славян подвергались невероятным унижениям. По выражению Крижанича, захватчики «сидели бездельны в градах, в каменных храмах, и пиروвали бы, и нас свиньями да псы называли»².

Все это производило тяжелое впечатление на молодого Крижанича. Его общественные и патриотические идеалы рано вылились в форму резкого протеста против экономического и национального угнетения родного народа. Уже в письмах 40-х годов Крижанич не раз возвращается к мысли о бедственном положении «наших несчастных племен». Стремясь быть ближе к народу, помогать ему, Крижанич отклонил уже известные нам приглашения на выгодные придворные должности. Он избрал скромный пост приходского священника и начал служить в небольших хорватских городах—вначале в Недельцах, а затем в Вараждине—в приходе св. Николая.

И в Недельцах, и в Вараждине Крижанич—как это не раз бывало с представителями рядового духовенства—сумел сродниться с горожанами, охотно посещавшими приход молодого священника, и завоевал их горячие симпатии. Самоотверженная деятельность Крижанича, не покинувшего город даже во время эпидемии чумы, еще более упрочила его популярность. Впоследствии, покидая Вараждин, Крижанич 19 мая 1646 г. получил от городского управления специальное свидетельство,

¹ М. К. Любавский, История западных славян, М. 1917, стр. 81.

² «Русское государство в половине XVII в.», ч. 1, стр. 215.

подчеркивавшее его заслуги перед горожанами. Свидетельство призывало «всех и каждого, кому сие станет ведомо, принять означенного отца Георгия Крижанича в свою любовь, благо-расположение, милость и покровительство... как мужа замечательного по беспорочности жизни и нравов»¹.

Нужно полагать, что, живя в Вараждине, Крижанич на первых порах еще не имел широких политических планов и не ставил перед собой больших задач. Свое призвание он, вероятно, видел тогда прежде всего в просветительной деятельности среди своего народа, в распространении знаний, в заботах о сохранении родного языка и культуры.

Крижанич мог наблюдать, как искусственное онемечивание славянских народов, все более подвергавшихся открытому преследованию со стороны иноземных поработителей, приводило одни из этих народов к потере своего языка и национальности, другие—к утрате национальной культуры.

Иноземное иго в корне подрывало возможность создания культурных центров, где группировалась бы славянская национальная интеллигенция. «Врача бо, математика, музыка, архитекта ни единого еще яз из нашего народа повставшего несем узнал»²,—констатировал Крижанич. Стараясь противопоставить этому иноземному влиянию традиции славянской национальной культуры, приобщить народ к научному знанию, дав ему в руки книги на доступном, родном языке, Крижанич в тот момент сосредоточивает все свое внимание на славянской истории. Он изучает славянскую филологию, собирает и переводит на хорватский язык научные книги. К 1641 г. двадцатитрехлетний Крижанич выполнил огромную работу. По его словам, он «по мере слабых сил своих, обработал (перевел.—Б. Д.) курс поэзии, красноречия, арифметики и грамматики, и несколько книжек духовного содержания. Еще сделал опыт перевода (курса) казуистики и философии»³.

Составление упомянутой им здесь грамматики (кстати сказать—она является единственным из дошедших до нас сочинений того периода) потребовало от молодого ученого весьма напряженного труда. Он сам говорит об этой книге как о результате длительной работы: «по языку нашему, трудясь несколько

¹ Белокуров, Из духовной жизни московского общества XVII в. Приложения, стр. 217.

² «Русское государство в половине XVII в.», ч. 1, стр. 217.

³ Белокуров, Из духовной жизни московского общества XVII в. Приложения, стр. 121—122.

лет, составил грамматику»¹. Очевидно, это было главным трудом Крижанича в то время. Он придавал ему особо важное значение как средству сохранения славянами их родного языка. Позднее Крижанич, вспоминая о своих занятиях южнославянской филологией, указывал: «народ иллирийский, будучи весь подчинен туркам, немцам и итальянцам, и язык свой собственный не только смешал с языками названных народов, но почти и совсем потерял. Весьма скорбя об этом, я всегда трудился над обработкой этого языка»².

Действуя среди южных славян (преимущественно среди своего—хорватского—народа), Крижанич не был одинок в своих стремлениях содействовать сохранению славянской самобытности. В этом отношении его идеи совпадали с патриотическими устремлениями передовой интеллигенции других славянских народов. Так, например, в Чехии в конце XVII в. выступал с аналогичной проповедью Бальбин, горячо призывавший к сохранению родного языка, повсеместно заменявшегося тогда немецким.

Однако наши источники, позволяя говорить об идейной связи Крижанича с патриотическим движением славянства, к сожалению, почти не освещают вопроса о непосредственном окружении молодого гуманиста в период его службы в Недельцах и Вараждине. Известное значение имеет в этом смысле лишь упоминавшееся выше приглашение Крижанича Петром Зринским и Франкопаном. Оно позволяет догадываться о близости Крижанича к движению, ставившему своей целью освобождение Хорватии, Угрии, Чехии и Моравии от власти турок и немцев.

Идейная близость Крижанича к патриотическому движению, известная преемственность его взглядов на судьбы славянства находит также свое подтверждение в рано пробудившемся у него интересе к Русскому государству и русской истории. В XVII веке Русское государство было уже довольно хорошо известно в Чехии и среди южных славян. О нем знали частью из сочинений иностранцев, частью по непосредственным впечатлениям соотечественников, посещавших Москву или западные окраины Русского государства.

В тот период делаются первые попытки составления всеславянской истории, охватывающей прошлое народов, живших от Лабы до Дона и Волги. Один из крупнейших ученых XVII в.,

¹ Белокуров, Из духовной жизни московского общества XVII в. Приложения, стр. 172.

² Там же, стр. 191.

профессор Иоанн Судетский, выступает в стенах Пражского университета со смелой теорией, подчёркивающей родство чешского и русского народов. Он выводил происхождение чехов не от южных славян, а из Руси. В середине XVII в. в хорватской литературе впервые появляется примечательная мысль о Руси как об освободительнице и примирительнице славянских народов. В Дубровнике знаменитый Юний Пальмотич создает поэму, где изображает Русское государство в аллегорическом образе мудрой красавицы Северницы, объединяющей славян.

В аналогичном направлении развивались и взгляды Крижанича. Как мы увидим, он—может быть, даже не без непосредственного заимствования—пытался развить мысль о происхождении всех южных славян из Руси,—мысль, весьма близкую к теории Иоанна Судетского.

Первое—и пока что книжное—знакомство Крижанича с Русским государством относилось к периоду, когда работа над славянской историей и филологией ввела в круг его занятий большую и равнообразную литературу. Были здесь и записки иностранцев о Московии. Эти записки произвели на Крижанича особенно сильное впечатление. Прежде всего сюда следует отнести «Записки о Московитских делах» Сигизмунда Герберштейна. Сочинение Герберштейна, оставаясь в течение долгого времени наиболее подробным и добросовестным описанием Руси, было весьма популярно за границей. Уже тогда оно выдержало множество изданий, а в конце XVI в. было переведено на чешский язык.

Первое знакомство Крижанича с русской историей сыграло необычайно большую роль не только в процессе становления его взглядов на славянство, но и вообще в формировании его мировоззрения.

Крижанич и впоследствии высоко ценил труды Герберштейна. Резко отзываясь об описаниях Русского государства, сделанных Адамом Олеарием и Петром Петреем, обвиняя их в клевете, в предвзятом взгляде на русскую действительность, называя их «хульниками» и «лаятелями», Крижанич подчеркивал, что в записках Герберштейна «никакова лаяния нить»¹.

Герберштейн познакомил Крижанича с политической историей Русского государства, открыв ему такие источники нашей истории, как русская летопись, как ряд юридических и литературных памятников древней Руси. Исторические судьбы русского

¹ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 1, стр. 166.

народа в изложении Герберштейна привлекли особо пристальное внимание Крижанича. Они показались ему не только близкими, но родственными судьбам других славянских народов.

Русский народ, находившийся в течение почти двух столетий под гнетом татарского ига, сумел освободиться от «рабства татарского» и создать свое национальное государство. Крижанич увидел в этом яркий пример, способный воодушевить остальных славян на борьбу за свое освобождение от иноземной зависимости. Московское княжество в представлении Крижанича уже тогда выглядело, как «светоч», избранный самим богом «для откровения наших несчастных племен»¹.

Занятия русской историей поглотили теперь все свободное время Крижанича. Он неустанно собирает все источники, касающиеся этого предмета; изучает русский язык, не жалея, по собственному признанию, труда, «чтобы получить познания в относящемся до Московии, ибо читал, которых только мог достать, писателей об этом: Поссевина, Герберштейна, Пернштейна, Ротера, Вассембергия, Пясецкого, и собирал из них заметки. Не перестаю,—добавляет он,—исследовать это и устными сношениями»².

Своеобразным результатом первых шагов Крижанича в изучении русской истории явилось небольшое сочинение—«Записка», поданная в 1641 г. в качестве доклада кардиналу Антонио Барберини, префекту Конгрегации пропаганды веры³. Этот доклад сохранился в анонимной копии, найденной П. Пирлингом в Римском архиве Конгрегации пропаганды веры. Определяя авторство Крижанича, Пирлинг в предисловии к изданию, предназначенному для «Архива славянской филологии» В. Ягича, писал: «составителя узнать легко: он упоминает о своей народности, отношениях к пропаганде, месте жительства, оказывает большую склонность к социально-экономическим исследованиям, говорит о книгах, которые написал и еще напишет, показывает себя начитанным, сведущим в грамматике и истории, наконец, просит быть посланным в Россию. Все—признаки, указывающие на Крижанича».

¹ Белокуров, Из духовной жизни московского общества XVII в. Приложения, стр. 189.

² Там же, стр. 176.

³ Русский перевод «Записки» 1641 г., сделанный В. А. Кожевниковым и С. С. Слущким, опубликован в Приложениях к указ. соч. Белокурова, стр. 87—126.

При всей своей схематичности «Записка» представляет большой интерес. Она является наиболее ранним историческим опытом Крижанича и дает ясное представление о тех моментах русской истории, которые особенно занимали в то время внимание молодого гуманиста. В основе этого сочинения (в качестве фактологического источника) бесспорно лежат «Записки о Московитских делах» Сигизмунда Герберштейна. Из этого сочинения Крижанич почти дословно заимствует, видимо, заинтересовавшую его характеристику власти великого князя Московского, замечая по этому поводу, что «властью над своими подданными государь (московский) далеко превосходит монархов всего мира». Далее Крижанич останавливается на общественной структуре государства, характеризуя ее со слов того же автора. Он упоминает о «князьях» и «боярах», как «называются принцы и знать»; говорит о служилом дворянстве, о системе земельных дач и т. д., различая при этом вотчинное и поместное землевладение.

Внимание Крижанича к политическому устройству Русского государства не случайно. Более того—оно становится весьма показательным, если учесть, что идея централизованного государства (известная ему пока лишь со слов Герберштейна) явится в дальнейшем одним из основных элементов его исторических и политических взглядов. Таким образом, зарождение позднейшей концепции «совершенного самовладства» (самодержавной феодальной монархии), выдвигаемой Крижаничем в качестве идеала в противовес «полиархии» (т. е. феодальной раздробленности современных ему европейских государств), может быть отнесено к 1641 г. Очевидно, уже тогда Крижанич довольно отчетливо представлял себе смысл самодержавной политики московских великих князей, и в частности Василия III Ивановича. Как Крижанич узнал от Герберштейна—князь «никому не оставляя в собственность ничего из недвижимого имущества, но отнял города и владения у князей и у всех других...» Несколько позднее Крижанич снова возвращается к этой же мысли, указывая в одном из своих писем, датированном 1646 г., что в княжестве Московском «наблюдается и совершенная монархия... и употребление во всем родного языка, так что без помощи других языков всем ясно, чего требуют от них князья»¹.

¹ Белокуров, Из духовной жизни московского общества XVII в. Приложения, стр. 188.

Если у Герберштейна Крижанич нашел очерк внутреннего общественного устройства и политическую историю Русского государства, то другой автор—Антоний Поссевин, «Moskowia» которого стала известна Крижаничу одновременно с «Записками» Герберштейна, раскрыл перед ним картину русской духовной жизни XVI в. Из записок Поссевина Крижанич впервые, по своему же собственному признанию, «узнал, что громадное множество наших племен (славян.—Б. Д.) отравлено схизмой»¹, т. е. не принадлежит к римско-католическому вероисповеданию. Отсюда, вероятно, и брала свое начало осенившая его тогда мысль, что наряду с непосредственной вооруженной силой иноземных завоевателей, поработивших славянские народы, существуют и другие—идеологические, религиозные—преграды, искусственно препятствующие объединению славян. Крижанич понял тогда, что эти преграды мешают сближению русского народа, исповедующего православную веру, с другими славянами, исповедующими католическую веру.

Поездка в Москву, описанная Поссевином (пытавшимся наряду с чисто дипломатическими делами действовать в пользу присоединения России к католицизму), подсказала Крижаничу путь,—показавшийся ему тогда доступным,—к созданию славянского единства и взаимному сближению русских, болгар, поляков, сербов, хорватов.

«Записка» ярко отражает все эти планы Крижанича. Правда, характер данного сочинения, предназначавшегося в качестве доклада кардиналам Конгрегации пропаганды веры, не оставлял Крижаничу особенного простора для изложения его патриотических взглядов. Тем не менее даже трактовка специфических вопросов веры показывает, как осторожно и вместе с тем настойчиво стремится Крижанич вложить в это повествование свои собственные чувства. Симпатии Крижанича к Русскому государству и русскому народу явственно проглядывают за богословской полемикой. Он страстно восстает против утверждения Поссевина о враждебности русских всякому просвещению. Стараясь развеять неверное представление о русских как о дикарях и варварах, поддерживавшееся в XVI в. иностранцами в Европе, Крижанич пишет: «Князь Московский... любит воспитание умов и свободные искусства и науки и покровительствует им; так

¹ Белокуров, Из духовной жизни московского общества XVII в. Приложения, стр. 144.

как по природе всякий человек стремится к знанию и никто не может любить невежества»¹.

Вместе с тем известная культурная отсталость Русского государства («отсутствие там всякой словесности»), как видно, не составляет секрета для Крижанича. Выясняя происхождение этого явления, он приходит к оригинальному выводу. Для него причина отсталости русских кроется во временах «рабства татарского». Как полагает Крижанич, это рабство оставило глубокий след на самой психологии русских, ибо они стали «относиться подозрительно ко всем другим нациям, кроме греков, и воспретили общение с ними, потому что опасались быть всеми обманутыми, так что поддерживались сношения с одними только греками, которые ими считались необходимыми для дел религиозных. Но так как в настоящее время греки не занимаются ни искусствами, ни науками, так что они сами — слепые и вожди слепых, то каковы были учителя, таковыми же свойственно было стать и ученикам»².

Этот взгляд, брошенный в глубь нескольких столетий, в общем правильно улавливал реакционный (для того времени) смысл греческого влияния, осуществлявшегося при помощи церкви, которая тогда уже становилась в оппозицию ко всякой попытке культурного сближения с Западом.

Но к религиозному единству славян Крижанич стремился лишь как к средству их культурного и политического сближения. Для своей будущей деятельности в Москве он разработал массу чисто светских просветительных мероприятий, часто утрачивающих свое прямое церковно-религиозное значение. Так, например, даже в случае принятия католицизма русскими Крижанич считал возможным сохранение богослужения и книгопечатания на русском языке³, хотя католический обряд, как известно, требует богослужения на латинском языке.

Прямым доказательством того, что планы Крижанича не встретили в Риме сочувственного отклика, являются события последующих пяти лет, которые он провел в Недельцах и Вараждине.

В 1646 г. Крижанич, не оставлявший на протяжении этих пяти лет мысли о поездке в Москву, покидает свой приход и переезжает в Рим.

¹ Белокуров, Из духовной жизни московского общества XVII в. Приложения, стр. 122.

² Там же, стр. 123.

³ См. там же, стр. 118.

Впоследствии он признался в одном из частных писем, что «принял богословскую степень не с какой другой целью, как с той, чтобы иметь право некогда учить богословию москвитян»¹.

2

Между тем задача, казавшаяся Крижаничу такой простой и легко осуществимой, в действительности явилась не только куда более сложной, но и совершенно невыполнимой. Горькое разочарование постигло Крижанича в главном: надежды, возлагавшиеся им на Римский престол, были тщетными. Это выяснилось сразу же. Кардиналы Конгрегации весьма недвусмысленно дали понять Крижаничу, что его патриотические планы неспособны вызвать в Риме никакого энтузиазма. Провинциальный священник, явившийся из скромной хорватской епархии и настойчиво добивающийся посылки в Московию, где собирался действовать не столько в пользу римской курии, сколько во имя идеи славянского объединения,—идеи, совершенно чуждой папским кардиналам,—был в их глазах, в лучшем случае, наивным мечтателем, собирающимся вовлечь Конгрегацию в какое-то сомнительное предприятие. Некоторые из прелатов считали Крижанича гордецом и карьеристом, другие—просто ловким авантюристом.

Крижанич, несомненно, чувствовал плохо скрываемую враждебность, с которой его встретили в Риме. В одном из своих писем он жаловался на противодействие со стороны «некоторых прелатов, которым каким-либо способом, хотя и без воли моей, могло стать известным мое намерение. Ибо они сочли его или вздорным и неосуществимым, или гордым, или плутовским, или придуманным ради почестей или ради скитания и собирания денег»².

Столь же враждебное отношение преследовало Крижанича и в дальнейшем, когда, вместо миссии в Москву, он в 1647 г. был приставлен в качестве священника к Смоленскому католическому епископу. «Я всегда старался скрывать это от епископа» (т. е. свое намерение отправиться в Москву.—*Б. Д.*),—вспоминал Крижанич,—«ибо он презирал меня как хвастливо стремящегося к невозможному и старался привести как бы к более здравому рассудку, чтоб я оставил эти намерения; по-

¹ Белокуров, Из духовной жизни московского общества XVII в. Приложения, стр. 176.

² Там же, стр. 178.

этому он, казалось, не желал видеть ни книг, ни сочинений моих, и ничего слышать о них»¹.

Конечно, мысль о том, что католическая церковь в половине XVII в. сможет стать объединительным центром славянства, была ошибочной. После переезда в Рим убедился в этом и сам Крижанич. Его надежды основывались не только на неправильной оценке современного ему положения папства, но и на весьма одностороннем тогда представлении о роли католической церкви в исторических судьбах западного славянства.

Дело в том, что немецко-христианская церковь уже с VIII в. выступала в качестве децентрализующей силы.

Действуя рука об руку со светскими завоевателями, немецко-христианская церковь не только не способствовала укреплению внутреннего положения славян, но нанесла огромный ущерб их национальной самобытности и культуре, вводя богослужение и книгопечатание на чуждом народу латинском языке.

При захвате немцами земель на востоке немецкие проповедники не упускали случая подчеркнуть свое брезгливое, высокомерное отношение к обращаемым в христианство славянам.

Уже Бонифаций, с именем которого связано проникновение христианства в Германию и оттуда к славянам (жившим в то время на запад от Эльбы, на верхнем Майне и т. п.), именовал славян не иначе как «поклонниками сатаны». Он даже специально запрашивал папу Захария, возможно ли вообще взимание податей со славян, селившихся на церковных землях. Впрочем, папа немедленно рассеял эти сомнения, безоговорочно приказав собирать подати, «чтобы славяне не смотрели на свою землю, как на собственность»².

При Крижаниче (в первой половине XVII в.) римско-католическая церковь уже не была «великим интернациональным центром феодальной системы»³. Ее политические позиции в это время уже были в значительной степени ослаблены и подорваны реформацией, буржуазным развитием европейских государств, стремившихся к своему национальному обособлению.

Однако во взаимоотношениях таких, сохранивших свою самостоятельность славянских государств, как Русь, Польша, Чехия, папский престол продолжал играть активную роль,

¹ Белокуров, Из духовной жизни московского общества XVII в. Приложения, стр. 162.

² М. К. Любавский, История западных славян, стр. 58—59.

³ Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 295.

особенно в начале XVII в. Опираясь на польского короля Сигизмунда III с его фанатизмом, католическая церковь поддерживала и обостряла идеологические противоречия между русскими и поляками, а также между поляками и чехами, внешне выражавшиеся в тот момент главным образом в различии их вероисповедания.

В этом отношении планы римской курии, вначале связывавшиеся с поддержкой авантюристских походов обоих самозванцев, а затем с открытой попыткой завоевания польскими магнатами Русского государства в 1610—1613 гг., общеизвестны и детально освещены в литературе. В равной степени давно выяснена реакционная роль папства в жизни Чешского государства в период гуситского движения начала XV в.

В 20—30-х годах в той же Чехии на глазах Крижанича развертывалась мрачнейшая католическая реакция, сопутствовавшая захвату Чешского государства Габсбургами. Расправа с чехами—участниками борьбы за независимость своего государства—осуществлялась наместником Чехии, князем Карлом Лихтенштейном с исключительной жестокостью. 21 июня 1621 г. были совершены первые массовые казни. Головы и правые руки двенадцати четвертованных членов чешского правительства и язык доктора Яна Есенского были прибиты в Праге на башне Старого места. Земли чешских дворян, причастных к борьбе с Габсбургами, были конфискованы и розданы католическим монастырям и сторонникам Фердинанда II. Были изданы законы, направленные против всех, кто не примкнул к католичеству. Из чешских школ и университета были изгнаны все учителя, профессора и проповедники не католики, а в дальнейшем и Пражский университет был отдан в распоряжение иезуитов. Тех, кто не примкнул к католичеству, лишали—с одобрения папы Григория XV—права заниматься ремеслами и торговлей. Их не венчали в церквах; их трупы должны были оставаться без погребения.

Начавшаяся в связи с этими гонениями эмиграция чешских патриотов на всем протяжении 20-х и начала 30-х годов носила исключительно массовый характер (в течение одного лишь 1628 г. в изгнание отправилось 36 тысяч семейств).

Чехия пала под объединенными ударами католической лиги, в частности в связи с позицией польского правительства, отказавшего чехам в поддержке. Падение Чехии полностью отвечало интересам папства и католической церкви, впоследствии представивших этот акт немецкой агрессии в ореоле справед-

ливой борьбы «во имя торжества истинной веры над ересью чехов».

В середине 40-х годов Крижанич, видимо, еще не совсем отчетливо понял теократическую политику Рима. Он почувствовал лишь, что его патриотические планы не находят отклика в среде кардиналов, возглавлявших Конгрегацию пропаганды веры. Однако на первых порах Крижанич еще продолжал настаивать на своем первоначальном замысле. В цитированном выше письме он пытался объяснить свою неудачу стечением различных неблагоприятных обстоятельств, личной неприязнью прелатов, их страхом перед смелостью и необычностью его проекта и т. д.

Крайне трудно датировать момент, когда в мировоззрении Крижанича под влиянием этих неудач наступила резкая перемена, вначале обусловившая постепенное отдаление его от Рима, а затем (в 1658 г.) вызвавшая разрыв с папским престолом. Несомненно, однако, что произошло это далеко не сразу после отъезда Крижанича из Вараждина и было результатом довольно продолжительного периода в развитии его общественных взглядов.

В 1647 г. Крижаничу удалось побывать в Москве. Правда, поездка эта совершилась без ведома Конгрегации и продолжалась всего 45 дней. Поэтому первые московские впечатления Крижанича были весьма небогаты.

В небольшом отчете, посланном в Рим, Крижанич тогда же снова проводит мысль о целесообразности посылки его в Русское государство. Он сообщает даже, что сумел узнать нескольких русских, тайно сочувствующих католичеству. Крижанич, однако, не называет их по именам, а факты его позднейшего пребывания в Москве также не дают основания для каких бы то ни было догадок. Скорее всего, что это было сказано Крижаничем без всяких оснований, просто с целью сделать еще одну попытку заинтересовать кардиналов своим «московским проектом». Однако эта попытка свидетельствует о том, что через шесть лет после своего обращения к кардиналу Барбарини Крижанич все еще держался своего первоначального замысла¹.

С наибольшей вероятностью можно утверждать, что нити, идейно связывавшие Крижанича с Римом, окончательно оборвались

¹ См. *Белокуров*, Из духовной жизни московского общества XVII в. Приложения, стр. 243—257.

во второй половине 50-х годов. В пользу этого соображения говорит то обстоятельство, что антицерковные и антиклерикальные выпады Крижанича, резко направленные против папы и патриарха и крайне необычные в устах иезуита-проповедника, основываются преимущественно на его личных наблюдениях, сделанных как раз в этот период. Именно в 50-х годах Крижаничу приходилось много раз сталкиваться с представителями католического, православного и униатского духовенства. Крижанич вынес довольно неблагоприятное впечатление об искусственно воздвигнутых духовенством идеологических преградах между отдельными народами, о борьбе православия и католичества, способствующей лишь разобщению славянства.

«Нужно же подумать,—говорит Крижанич, касаясь роли католической церкви в отношениях русских и поляков,—что мы русские—люди одного языка с ляхами, и сыновья одного отца; для сего царства (Польши) не может быть более благосклонного счастья, как еслибы между нами утверждалось братское согласие.—Но демон... воздвигает обоих народов, немцев и греков (в смысле соперничества Восточной и Западной церкви.— *Б. Д.*) всех их напряжением и величайшими усилиями постоянно препятствовать нашему согласию, равно как подстрекает в них старание возбуждать между нами вечные распри, вражды и войны»¹.

Борьба восточной и римской церкви в глазах Крижанича лишена теперь всякого ореола. Он видит в ней только светские и чисто земные мотивы. За догматическими несогласиями и спорами в защиту обрядовых формальностей (объявляемых им вообще малозначительными) Крижанич сумел разглядеть политическую борьбу за первенство, «для ради верховные области... римляны мовлю и греки»².

Так же расценивал Крижанич и раскол в русской церкви XVII в., спрашивая: «И нынешний церковный раздор несть ли ся почал от глупых причин? Для ради того, что срачица есть переменена в саван: и что при аллилуйе приписано, слава тебе господи»³.

Римляне, как называет Крижанич немцев, сумели посеять вражду между восточной и римской церквами сперва ради первенства своей империи над Византией, а затем с целью

¹ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 2, М. 1860, стр. 194.

² Там же, стр. 219.

³ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 1, стр. 112.

разобщить захваченные ими народы и изолировать славян друг от друга.

Резко протестует Крижанич и против нравственного падения современного ему духовенства, как греческого, так и католического. Греческие и западные или римские пастыри «всякие святости обращают в торговные товары, и терятся (стараются.— *Б. Д.*) нам Христа тысуче крат продать, коего Иуда лише едножды продаде»¹.

Крижанич не раз видел, как «митрополиты, настоящие и самозванцы, блуждают вдоль и поперек по Руси (особенно Малой и Белой): они возводят в священнические степени лица, им неизвестные, не заслуженные, не испытанные, не засвидетельствованные... без всякого другого испытания, кроме того что аккуратно поторгуются, «сколько хотите мне дать, и я вам предам его» (т. е. Христа. Намек на слова Иуды.—*Б. Д.*)»².

Крижанич все дальше отходит от богословских идей. Большую роль в этом сыграли занятия юридическими и государственными науками. Еще в 1641 г. Крижанич в упомянутой записке указывал, что чувствует необходимость «сделаться опытным в знаниях по преимуществу государственных, касающихся религии, мира и войны»³.

В связи с этими занятиями Крижанич прочитал и изучил весьма обширную литературу, в том числе были и сочинения Макиавелли. В них он нашел—в более или менее разработанном виде—идею централизованного национального государства, к созданию которого стремилась тогда буржуазия итальянских городов. Ниже мы познакомимся с самостоятельной попыткой Крижанича нарисовать собственный идеал славянского государства. А сейчас нам важно отметить, в какой степени эти занятия светскими науками сказались, повидимому, и на антиклерикальных воззрениях Крижанича. Он развивает мысль, отвергающую теократию. От имени рисуемого им правителя славянского государства Крижанич заявляет: «не приемлем славы (власти.— *Б. Д.*) от людей: ...не от папы, не от патриарха, нить от иного коего ни будь на свету яко да бы от высшего над нами человека»⁴.

¹ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 1, стр. 206.

² «Русское государство в половине XVII в.», ч. 2, стр. 191.

³ *Белокуров*, Из духовной жизни московского общества XVII в. Приложения, стр. 121.

⁴ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 1, стр. 361.

Надежды, возлагавшиеся Крижаничем на Рим как на центр, способный объединить вокруг себя славянские народы, оказались напрасными.

В церковном раздоре и в проистекавшем отсюда «внутреннем несогласии в народе» Крижанич увидел одну из губительных причин, препятствующих развитию славянства, мешающих ему «значительнее поступать вперед на пути к славе»¹. И тогда он отказывается не только от проповеди католичества, но стремится вообще отвлечь внимание славян от взаимной вражды восточной и западной церквей, борющихся для «предкования» (т. е. за первенство.—Б. Д.). По своим историческим целям, говорит Крижанич, «мы словенцы и русяны есмо далеко от того»².

Оставляя в стороне вопросы исповедания веры и предоставляя их—во имя единства освободительных целей—свободному выбору каждого народа, Крижанич теперь одинаково отрицательно относится как к притязаниям папы римского, так и к православным патриархам. Пусть, заявляет он, соперничающие «патриарх и папа препирают, и скобут, и за брады водят (т. е. препираются, дерутся и таскают друг друга за бороды.—Б. Д.) для предкования: мы для предкования несмо должны чинить раздора»³:

Интерес Крижанича к русской истории и русской культуре все более и более повышался в связи с постепенным отходом его от богословских позиций. Все более упрочивались давнишние симпатии к русскому народу. С большой яркостью раскрылись они в том взрыве бурного негодования, который вызвало у Крижанича ознакомление со вторым изданием «Описания путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно» Адама Олеария, вышедшим в 1656 г. Крижанич счел необходимым специально написать полемическое сочинение, направленное против Олеария. Это сочинение состоит из двух частей—конспекта книги и самой полемики, озаглавленных весьма выразительно «Об русских законех: из описания некоего немчина. Об лаянии немецком» и «Ответ на инородческое лаяние, потвары (коварство.—Б. Д.) и соблазны»⁴. Последний сохранился лишь в

¹ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 2, стр. 140.

² Там же, стр. 219.

³ Там же, стр. 219—220.

⁴ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 1, стр. 159, 165.

виде краткого наброска, который Крижанич, повидимому, собирался в дальнейшем разработать более детально.

Дело в том, что Крижанич был современником автора «Описания путешествия в Московию» (Олеарий умер во второй половине XVII в.) и этот труд представлялся ему лишь в качестве новейшего описания того государства и народа, на историю и внутреннее положение которых у самого Крижанича была своя собственная, довольно прочная точка зрения. С этой точки зрения его ничуть не занимали тщательно собранные и ярко описанные Олеарием подробности русского государственного устройства, экономического и культурного быта, географическое описание Московии и пр. (т. е. именно те подробности, которые и до сих пор привлекают главное внимание всякого читателя, занимающегося историей XVII в.). Крижанич прежде всего пожелал установить главную мысль прочитанной им книги, определить политические взгляды автора, выявить тенденцию, двигавшую им при выборе и изложении тех или иных фактов. При этом Крижаничу сразу же бросилось в глаза высокомерное отношение Олеария к национальным традициям русского быта, пренебрежительное отношение к русским, подчеркнуто изображаемым автором в роли варваров и прирожденных холопов. Этим собственно и объясняется, что из всего объемистого сочинения Олеария Крижанич главным образом разбирает две главы из третьей книги (разделы 38—39), где эта тенденция проглядывает особенно отчетливо¹. Вот почему автор «Описания путешествия в Московию» представился Крижаничу в весьма невыгодном свете, в качестве «хульника», «лятеля» и даже «уходника», т. е. соглядатая, шпиона. «На сицеву срамоту,— говорит он,— несть требы речми отговорять, но палицами: и дать тем прокшеным (изысканным.—Б. Д.) разкошным политиком памятило (на память.—Б. Д.), да споминают, на коем месту суть видели барбаров»².

С этих позиций Крижанич, конечно, имел все основания относить прочитанную им книгу к числу обычных немецких «солганных повестей», которые преследовали одну цель: унижить национальное достоинство славян.

В появлении подобных книг Крижанич усматривал своеобразную тактику немцев, издавек начинающих подготовку к покорению других народов.

¹ См. *Адам Олеарий*, Описание путешествия в Московию, Спб. 1906.

² «Русское государство в половине XVII в.», ч. 1, стр. 171.

«Немцы,—указывает Крижанич,—если не расположены к какому-нибудь человеку или народу, а между тем не могут повредить ему иначе, употребляют против него стрелы клеветы. Сочиняют пасквилы, и в них проповедуют ненавистнейшие клеветы, дабы чрез них сделать того человека ненавистным миру»¹.

Правда, предвзятое отношение Олеария и других немецких писателей непосредственно к Русскому государству объяснялось скорее их бессильной злобой, тем, что «вследствие благих уставов сего государства (Русского.—Б. Д.), не могут нас подчинить всякого рода рабству. (как подчинили венгров, ляхов и чехов); не могут также отнять у нас все средства существования, как отняли у тех; не могут, наконец, овладеть сим государством, как овладели теми»².

Ответ Олеарию был, вероятно, написан Крижаничем уже после приезда в Москву. Конспектировал Крижанич далеко не все «Описание», а лишь те разделы книги, где замечал необъективность и предвзятость мнений автора (это преимущественно разделы, посвященные бытовому описанию Русского государства).

Свой ответ Крижанич начинает с краткого обзора сочинений других иностранцев о Русском государстве XVI—XVII вв. Этот обзор помимо всего интересен, как свидетельство огромной начитанности автора. В той или иной степени ему по существу были знакомы все сочинения, касающиеся русской истории, выпущенные за границей с конца XVI в. до второй половины XVII в.

Крижанич делит эту обширную литературу на две группы: книги, которым можно верить (где «никакова лаяния нить оговора не пишут») ³, и книги «дебелые» (толстые.—Б. Д.), подобные описанию Олеария, где «на всяком листу все полно ядовитых, лаяльных, ненавидных вещей и ложных повестей»⁴.

Говоря о писателях, достойных доверия, Крижанич прежде всего упоминает о Герберштейне как о первом, «кий об Руси книги написал». За Герберштейном следуют Филипп Перстен, Антоний Поссевин, Павел Иовий Новокамский. Крижанич подчеркивает их объективность, их доброжелательное отношение к описываемому государству. Они «не хулят наши простые рухляди (вещи.—Б. Д.), и мерного (умеренного), неразкошного жития». Однако и не «всего хвалят: но в неких вещех и по-

¹ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 2, стр. 259.

² Там же, стр. 155—156.

³ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 1, стр. 166.

⁴ Там же.

праву быть потребну судят (указывают на необходимость реформ—Б. Д.): якоже есть, дабы ся имал народ уметелей учить (просвещать народ.—Б. Д.): и об крутом законооставио царя Ивана говорячь, не всего хвалят»¹.

Вторая группа книг, к которой Крижанич относит и книгу Петрея, именуемую «Историю Рускою или ти вестинными книгами; али по правде имают ся звать пасквината»²,—значительно обширнее. Сюда, кроме сочинения Олеария Крижанич включает книги Петрея, Якова Ульфельда (посол датского короля Фридриха II к Ивану IV). С произведениями Ульфельда Крижанич был знаком, вероятно, по выдержкам, которые приводятся Олеарием. К этим же книгам Крижанич относит сочинения Гейденштейна, Одерборна, Генинга, которые «не тако вестину, яко оципливую обшальную песень писать ся видят» и наши пороки «в десятеро вящие быть поведают, неже ся в истине обретают»³.

Этот своеобразный историко-библиографический набросок, служа предверием к открывающейся далее полемике с Олеарием, определяет направление дальнейших рассуждений Крижанича.

Конспектируя «Описание», Крижанич весьма добросовестно отмечает все тенденциозные высказывания автора и кратко резюмирует их на полях рукописи. Таким образом, в его конспект входят выдержки из Олеария и его «лаяния» «об барбарству», «об злонравию», «об охолости» (хитрости.—Б. Д.), «об пьянстве», «хлапском житии», «разбое и татьбе», «военной терпеливости» и пр. Крижанич подчеркивает, что этот перечень охватывает далеко не все пункты «Описания», так как еще «много иного лаяния и оговора пишет вышереченый уходник»⁴.

Советуя Олеарию «изверзи первле бревно из своего ока; а за тем сучец из ока своего друга»⁵, Крижанич собирался, вероятно, развернуть свое сочинение в плане сопоставления некоторых русских государственных и бытовых порядков XVII в. с аналогичными институтами Западной Европы. Здесь ему прежде всего необходимо было отметить решающее с его точки зрения преимущество русского образа правления перед тем же немецким и тогдашним польским правлением, а именно—«самовладское государство», т. е. централизованную русскую монархию

¹ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 1, стр. 166.

² Там же.

³ Там же, стр. 167—168.

⁴ Там же, стр. 164.

⁵ Там же, стр. 170.

XVI—XVII вв. И он противопоставляет ее полякам: «Ляхи распустины хвалят свое безрядие»¹.

Противопоставление Русского государства,—в котором сложилась к тому времени сильная централизованная власть и которое по своей политической организации стояло гораздо выше той же Германии, раздробленной и ослабляемой непрекращающейся взаимной борьбой мелких феодальных княжеств,—было вообще одним из излюбленных аргументов Крижанича, выдвигаемых им против клеветы иностранцев на Русь. Самодержавную власть царя, обеспечившую единство Русского государства, он противопоставляет ложной свободе немцев, проявляющейся в феодальной раздробленности, сепаратизме князей, неподчинении императорской власти.

Являясь горячим приверженцем монархии, Крижанич, однако, одобряет не все русские порядки XVII в. У него не раз прорываются демократические нотки, особенно когда он возвышает свой голос в защиту простого народа. Он указывает, что тяжелое, бесправное положение народа является одной из причин, способствовавших в то время распространению на Руси различных пороков, порицаемых Олеарием (пьянство, грубость, некультурность).

Крижанич ставит такое положение в связь с общим феодальным порядком. Он приходит к выводу, что и в Западной Европе положение народных масс, и особенно крестьян, несколько не легче, что дворяне, немцы и поляки «обыкают нещадно бить бедных селянов» и при этом «велят (приговаривают) им вы еси варвары».

В рассуждениях по поводу сочинения Олеария весьма рельефно очерчивается облик самого Крижанича. Резкая критика ошибочных положений Олеария не превращается у Крижанича в апологетику России. Стремясь быть объективным, он отмечает отрицательные стороны русской жизни XVII в. Но его замечания проникнуты подлинным патриотизмом, любовью, верой в духовные силы русского народа.

Крижанич отчетливо ощущал в это время свою близость с русским народом. Он прекрасно знал русский язык и считал его родным. Он с этих пор постоянно говорил о себе как о русском человеке. Сразу же после приезда в Москву он писал, что считает себя не «выезжим иностранцем», а прибыл «к царю и господарю своего языка и рода».

¹ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 1, стр. 171.

Однако Крижаничу, видимо, постоянно приходилось активно отстаивать свои взгляды, разделявшиеся далеко не всеми, кто окружал его во время пребывания в Риме, Варшаве или Вене. Можно догадываться о бурных дебатах по этому поводу, участником которых он являлся. Так, например, Крижанич вспоминает «одного немца, отличного военного служаку; он клялся и душу свою за одно с телом посылал ко всем чертям, говоря: «если десять татар или немцев поверстались бы в поле со 100 или с 300 русских, то все эти русские еще живы повалялись бы на землю и дали бы развалить себя как репу»... А когда я возражал,—как же это случилось, что русские завоевали три татарских царства—Казань, Астрахань и Сибирь? Как они взяли силою у шведов много крепостей?—тогда этот хвостун замолчал»¹.

Сроднившись с русским народом, Крижанич вместе с тем не забывал и о судьбах остального славянства. Крижанич развивает освободительные планы, касающиеся будущего славянских народов. Под влиянием тех сдвигов в мировоззрении Крижанича, развитие которых нам уже удалось проследить до момента, когда рухнули все его надежды, связывавшиеся с Римом, он приходит к мысли, что эта освободительная миссия должна принадлежать не Риму, а Русскому государству.

Всматриваясь во внешнее окружение славянства, Крижанич устанавливал, что «славянское племя занимает место между двух могущественных народов, между скифами (татарами и турками.—Б. Д.) и немцами, из коих каждый постоянно разевает пасть на нашу гибель»².

Крижанич понимал, что, лишь объединившись, славяне смогут успешно противостоять натиску, шедшему с востока и запада. Они смогут собрать силы для полного освобождения от иностранной зависимости только при условии дружеской внешней поддержки со стороны какого-либо крупного самостоятельного государства. Как отмечает Крижанич, «извонска сила им есть потребна»³. И если вначале такой «извонский посилок» ожидался Крижаничем из Рима, то историческая обстановка XVII в. подсказывала ему, что Русь была единственным государством, на братскую поддержку которого могли рассчитывать славянские народы. С точки зрения Крижанича в пользу этого

¹ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 2, стр. 157—158.

² Там же, стр. 172.

³ Там же, стр. 115.

свидетельствовали и тогдашнее международное положение Руси и вся ее предшествовавшая история.

Крижанич восхищался тем, что русский народ, сам жестоко страдавший от иноземного господства несколько веков назад, нашел в себе силы для успешной борьбы за свободу и независимость. Вместе с тем политическая организация России (которая в то время уже была централизованным государством) наиболее соответствовала идеалам Крижанича. Он верно угадывал фактор, способствовавший укреплению внешнего и внутреннего положения Русского государства в XVII в. Русь, говорил он впоследствии, имея в виду Дмитрия Донского и Ивана III, освободилась «от татарского ига не чрез аристократию, не чрез немецкую полиархию, но чрез монархов, мужей высокого сердца»¹.

Вопрос о том, как представлял себе Крижанич возможность внешней поддержки славян со стороны Русского государства, весьма интересен и важен для правильной оценки его общественных взглядов. Он особенно важен еще и потому, что эта сторона мировоззрения Крижанича в наибольшей степени подвергалась различным произвольным толкованиям ученых, пытавшихся искусственно приладить патриотические высказывания Крижанича к позднейшим теориям панславизма. Как отметил Н. И. Костомаров, Крижанич «не впадает в политические утопии, не мечтает о всеславянском царстве под московским скипетром, не подвигает царя к нелепой мысли о завоевании славян»².

Крижанич выступает с горячей проповедью славянского содружества. Но он видит возможность укрепления славянского единства лишь в соответствии с историческими судьбами развития каждого народа в отдельности. Подчеркивая братские узы, связывающие русских, сербов, хорватов, болгар, поляков, Крижанич видит в Руси их общую «прародину». Однако он делит их на две главные ветви, образовавшиеся в тот период, когда славяне после разорения варварами Римской империи из Руси «за Дунай зашли» (болгары, сербы, хорваты).

Второй удел славянского народа, как указывает Крижанич, «Поморская, Слезская, Ческая и Муравская земли»³.

¹ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 2, стр. 69.

² Н. И. Костомаров, Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей, кн. II, Спб. 1912, стр. 377.

³ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 2, стр. 115, 116.

В дальнейшем—с образованием собственных государств—«словенский народ разлучается на шесть уделов: на удел Русский, Ляцкий, Ческий, Болгарский, Сербский и Херватский». Причем «все овы уделы имаху в некое время домородных кралев ильти владетелев»¹.

Отсутствие близости и взаимной поддержки между правителями, которые «никакова добра ряда (договора) не суть держали и згоды не суть имали», привело к ослаблению славянских государств. Они не смогли противостоять внешнему натиску своих противников и попали под власть турок и немцев. Причем, если южные славяне явились объектом вооруженного нападения и завоевания («оружием обсилены терпят ярем Турский и немецкий»), то тяжелое положение Польши Крижанич считает следствием ошибочной своекорыстной политики правящих групп этого государства. «Где будет краль из иного народа и языка,—указывает Крижанич,—тамо ся людство кажет быть сподобнее скоту, неже людем»². А именно правители Чехии и Польши призывали в свою страну королей иностранцев, вовлекавших это государство в орбиту политики, прямо враждебной интересам народа.

К XVII в. из всех славянских государств, перечисленных Крижаничем, свою независимость и самостоятельность во внутренней и внешней политике сохранил лишь «един Русский удел», где народ живет «под царем и господарем своего языка: а остальные все словенцы есуть подвержены чужим народом»³.

Этот взгляд, брошенный в глубь нескольких столетий, нужен был Крижаничу для определения самых форм и средств, в которых могла тогда проявиться поддержка освободительных чаяний славянства со стороны Русского государства.

Так, для задунайских славян Крижанич видел основу подобного сближения в развитии культурных сношений болгар, сербов и хорватов с русскими. Далекий от мысли проповедывать вооруженное вмешательство во внутренние дела Османской империи; Крижанич хотел видеть в Руси мощный культурный центр, связывавший все братские народы. Здесь, по его идее, должна была сосредоточиваться умственная жизнь тех славянских народов, развитию которых на родине препятствовало иноземное господство. Из Руси в славянские земли должны были проникать освободительные идеи, будящие само-

¹ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 2, стр. 2.

² «Русское государство в половине XVII в.», ч. 1, стр. 195.

³ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 2, стр. 2.

сознание угнетенных народов и зовущие их к самостоятельной борьбе за свободу. Здесь следовало «язык словенский в книгах исправить и осветлять, и пригодными разумными книгами оным людем умные очи открыть: да учнут, яко смо рекли, честь познавать, и об своем возстанению думать»¹.

Проповедь патриотических идей и развитие национального сознания народа имела, по Крижаничу, огромное значение как для южных славян, так и для чехов и поляков. «Да учнут познавать утиски и остуды своя, и об осветлению народа промышлять, и немецкий ярем из вратов зметать»².

Взаимоотношениям России и Польши Крижанич придавал особо важное значение в системе славянского единства. Поэтому он довольно подробно развивает этот вопрос.

Крижанич хорошо знал Польшу. Сохранившиеся до наших дней тетради, куда он вносил свои наблюдения и записывал мысли, изобилуют выдержками из польских законодательных памятников, ссылками на дипломатические документы, цитатами из сочинений польских историков. Все это говорит о большой серьезности, с которой Крижанич изучал общественную жизнь Речи Посполитой, а также ее внутреннюю и внешнюю политику. В этом отношении весьма любопытно замечание, сделанное впоследствии Крижаничем по поводу одной выдержки из польской истории Кромера, к которому он вообще относился резко отрицательно за его непатриотический взгляд на прошлое Польши. По словам Крижанича, Кромер лишь «оповеданием ляж, а родом и сердцем немчин»³. Особые возражения Крижанича вызвали те слова Кромера, где он «лестиво возвышает немецкую охолость (наглость.—Б. Д.), а ляхов прелещает (унижает.—Б. Д.), и срамотит»⁴. Это известный, перелагаемый Кромером эпизод о короновании императором Оттоном III в 1000 г. Болеслава I Храброго. Как говорит Крижанич, Кромер таким путем стремится унижить достоинство поляков: «людем во веру вогнать, яко да бежу ляхи королевскую честь от немецких царев прияли»⁵. В этой реплике по адресу Кромера, отчасти напоминающей уже известные нам возражения Олеарию, Крижанич, конечно, выступает скорее как страстный полемист, чем историк в буквальном смысле слова. Он отбрасывает значение, которое сыграла

¹ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 2, стр. 115—116.

² Там же, стр. 115.

³ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 1, стр. 227.

⁴ Там же, стр. 226.

⁵ Там же.

для Польши X в. эта символическая коронация, несомненно содействовавшая тогда возвышению королевской власти, и берет лишь современный ему отзвук этого события, ложно истолковывавший к XVII в. роль Германии как основательницы славянской государственности. Поэтому-то Крижанич сомневается даже в достоверности самого события. И если, указывает он, Болеслав в самом деле согласился принять корону от императора-немца, то он «несмерно есть в том поблудил (ошибся.—Б. Д.), и глупо поступил, и в честь приял нечесть и вечную народную остуду» (обиду.—Б. Д.)¹.

Крижанич полон самых искренних симпатий к польскому народу. Его высказывания свидетельствуют о большом уважении к истории и традициям Польши. «Ляхи в давних временах,—говорит Крижанич,—есуть некулико славных погромов над немцы учинили»². Польских воинов он признавал одними из лучших в Европе. Он считал, что поляки превосходят своими качествами не только шведов, будучи способнее их «к выигрышу решительных битв», но и немцев—«этих гордых, надутых, достойных осмеяния и суетных владык всего мира»³.

Горячие симпатии, которые питал Крижанич к полякам, как к одному из крупнейших славянских народов, вместе с тем заставляли его резко высказываться против тогдашней политики польских правящих групп, ослаблявших свое государство бесконечными внутренними распрями. Основную причину политической слабости Польши Крижанич видел главным образом в отсутствии сильной централизованной государственной власти, подобной, скажем, той, которая уже сложилась к этому времени в Русском государстве. Он связывал отсутствие такого «совершенного самовладства» в Польше с ошибочной политикой шляхты, когда она в узко эгоистических интересах «народ свой за злато продает» и призывает в качестве правителей государства королей-иноземцев, весьма далеких от интересов народа. Крижанич указывает, что тем самым шляхтичи «честь всего народа выставляют на преторг оному, кий вяще обещает: они пресветлую коруну, и превысокую ону честь, выставляют будто охотницу: и кралевский престол обращают в блудилище»⁴.

Крижанич составил любопытный список того, «како инородники срамотят кралевскую честь нашего народа у ляхов». Вред,

¹ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 1, стр. 227.

² «Русское государство в половине XVII в.», ч. 2, стр. 125.

³ Там же, стр. 195.

⁴ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 1, стр. 203.

который приносило появление в государстве такого «недомородного» короля, Крижанич подробно иллюстрировал многими примерами.

Крижанич отлично видел, что появление иноземцев ложилось всей своей тяжестью на простой народ, который вынужден был воевать за династические интересы чуждых ему пришельцев. «Жигимонт Свед и его сыны для своего титула ляхов во великие рати сведоша со сведениями»¹.

Короли-иностранные растрчивали и присваивали народное достояние поляков. «Владислав Ягайлович из праздни ляхску казну, на Вугерские потреби». А «Кристина кралица есть ляхом (у поляков) украла коруну, казну», а «Хенрих Француз... тайно убежа: не без срамоты ляхские»².

Особенную опасность для государства Крижанич видел в немцах, «знано бо есть, како немцы, где коли придут в гости, из гостей и подданных сотворяются господарми»³.

Появление чужих королей на польском престоле создавало возможность для проникновения в страну иноземных (в том числе и немецких) купцов. Они за бесценок вывозили из Польши продукты сельского хозяйства. По наблюдениям Крижанича, немцы «выкупают все, что добра ражает она земля. Наилучи ляхи лише трижды в год едут пшеничен хлеб: немцы всю пшеницу извозят»⁴. Стараясь подорвать экономику Польши, немцы «наполниша ляхскую землю медными пенязми; а сами их от ляхов не емлют, но злато и сребро»⁵.

Горячо желая освобождения Польши от иностранной зависимости, ограждения ее от немецкой опасности, Крижанич говорит о правителе, какого хотел бы он видеть на польском престоле. Этот правитель, конечно, должен быть поляком, — «племенита сердца мужь... коему бы честь народная от самого живота дража была»⁶.

Далее Крижанич обращается к вопросу об отношениях Польши и Русского государства. Он был почти современником войн, которые вела тогда Польша против Русского государства — вначале за русские земли (1605—1613 гг.), а затем стремясь подавить народное движение украинцев и белоруссов,

¹ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 1, стр. 212.

² Там же.

³ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 2, стр. 105.

⁴ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 1, стр. 185.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 203.

желавших воссоединиться с братским русским народом. Пребывание Крижанича в Польше и на Украине как раз совпадало с восстанием Богдана Хмельницкого и с началом войны 1654—1667 гг. за Украину и Белоруссию.

Симпатии Крижанича, как мы увидим позже, были целиком на стороне украинского и белорусского народов и их союза с русским народом.

Он считал ошибочной тогдашнюю недружелюбную позицию польского правительства по отношению к русскому государству. Он видел, что поляки, отвлекая свои силы на Восток для войн против братского славянского русского народа, облегчали тем самым у своих западных рубежей захватническую политику немцев, «величающих себя римскими императорами, с давних веков разевающих пасть, как бы завладеть царством Польским. Но видящих, что не могут исполнить своего намерения, если бы ляхи жили бы с нами (русскими.—Б. Д.) в святой приязни»¹.

Мысль о важности сближения с Русским государством для Польши, основанная, как мы видим, на трезвой оценке современного внутреннего и внешнего положения Речи Посполитой, выливается у Крижанича в страстную проповедь, призывающую оба славянских государства к установлению тесных союзных отношений. Этот союз представлялся ему в виде взаимной поддержки двух самостоятельных, равноправных государств. Он считал его одинаково важным для судеб как русского, так и польского народов. Сближение с Русью, с точки зрения Крижанича, означало для Польши возможность опереться на дружбу сильного государства и избавиться от немецкого засилья и опасности дальнейшего порабощения. В сближении с Русским государством Крижанич видел единственную возможность внутреннего усиления Польши и образования сильной централизованной власти, способной укрепить политическое положение государства. «Польша,—говорит он,—находится ныне в таком состоянии и политическими болезнями доведена до такой крайней опасности жизни, что может исцелиться... как разве только в союзе и покровительстве светлейших царей русских»².

Вместе с тем Крижанич считает, что союз с Польшей имел значение и для Русского государства, так как «при дружбе со стороны ляхов, значительное протяжение наших пределов достигает совершенной безопасности»³.

¹ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 2, стр. 194—195.

² Там же, стр. 173.

³ Там же, стр. 198.

В основу целей и задач славянского единения, к которому призывал Крижанич, положен глубокий историзм. Крижанич отнюдь не рисовал себе союза чехов, сербов, хорватов, болгар в форме некоего гиперболического всеславянского царства, где все славяне стали бы вассалами русского царя. Независимость славянства мыслилась Крижаничу скорее в форме создания равноправных, свободных государств. Он предполагал, что только в таких условиях каждый славянский народ смог бы снова «повстать и в число народов сян поставить».

Возможность выделения славян из состава Оттоманской или Габсбургской империи мыслилась ему не в форме завоевания этих земель русским государством. Вместе с тем ему все же ясно было, что независимость славянства может быть добыта только самими славянами и лишь в вооруженной борьбе с работодателями. Убеденный в наличии могучих духовных сил, мужества и свободолюбия славянских народов, Крижанич обращался к ним со следующим горячим призывом:

«В защиту народа! Хочу изгнать всех иноземцев—предводителей и ратников; а поднимаю всех днепрян, поляков, литовцев, сербов и кто только есть славянского рода воинственный муж и кто только хочет заодно ратовать со мною».

Эта мысль вынесена Крижаничем в качестве эпиграфа к рукописному сборнику его главных трудов. Она характерна, между прочим, в том отношении, что освободительная борьба (рать), на которую Крижанич так пламенно зовет украинцев, поляков, литовцев, сербов (т. е. народы, которым угрожали главным образом немцы), представляется ему важнейшим внутренним делом этих народов. Она основывается, кроме того, на твердой вере в силы этих народов, в возможность свержения чужеземного ига. К сожалению, мы не имеем данных для того, чтобы более подробно судить о том, как представлялись Крижаничу детали этой освободительной войны. В уцелевших сочинениях его мы встречаем лишь весьма оригинальную попытку Крижанича определить характер войн вообще, теоретически обосновать справедливость всякой освободительной войны.

В трактовке специально военных проблем Крижанич остается неизменно верен принципу свободы и самостоятельности народов, уважения к их порядкам и обычаям. Он выступает против захватов чужих земель, против чьего бы то ни было вооруженного вмешательства в дела мирных народов. Мудрость правителей для него сводится прежде всего к сосредоточению их деятельности на успешном устройении собственной страны, чтобы

«наилуче законоставие нарядить». Ибо, говорит он, «кий краль хочет быть славен, и в последующих веках памятен, кий... морает (заботится.—Б. Д.) первле своя дела что наилуче устроить и постановить, неже ся чужих приемать»¹.

4

С особым негодованием Крижанич обрушивается на идею так называемой «гипербазилии» или «гипермонархии», т. е. стремление к мировому господству и сопутствующие этому войны за покорение одним народом всего остального человечества. Крижанич имел много оснований относиться с ненавистью к этой химерической идее. Одно время он сам был не только современником, но даже подданным такого «гипербазилического» государства, основанного на господстве немцев над остальными народами и прежде всего славянами, когда «немцы, присвоивши своей Германии имя Римской империи, начали после того называть ее империею святой, и своему императору придают титул священнейшего величества, раславляя, что он есть царь всех царей и государь всех государей; что он имеет власть учреждать в мире царства, поставлять и низлагать царей; что без его утверждения и воли не может никто в мире быть или именоваться царем»².

С императорами Священной Римской империи германской нации было связано множество трагических страниц в истории славянских народов. Немецкие феодалы подвергали славянские народы уничтожению и вытесняли с их исконных земель по Эльбе и Одру, в Богемии, Моравии, Чехии, Балтийском побережье во имя вымышленного преемства немцами величия древнего Рима.

Крижанич застал эту «империю» уже в период ее заката, когда постоянные усобицы стремившихся к сепаратизму феодалов, усиление княжеств и городов настолько ослабили власть императоров, что они уже тогда не сохраняли ничего, кроме пышного титула. Сам Крижанич относился к кесарям с большой долей иронии, замечая, что они «только на посмешище и на игральнице зовутся царями немецкими, ибо им не повинуются ни один немец. Только на посмешище пишутся императорами

¹ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 2, стр. 116.

² Там же, стр. 284.

Римскими, ибо не смеют прийти в Рим и послам их там не дадут даром куска хлеба»¹.

Анализируя причины, вызвавшие упадок немецкой империи, Крижанич составил верное представление о непрочности подобных «гипермонархий». Они были непрочными даже тогда, когда некоторым великим полководцам удавалось на время завоевать огромные пространства и покорить населяющие их различные народы. В этом его убеждали также судьбы быстро развалившихся Ассирийской, Персидской и Македонской империй. Крижанич весьма проникательно угадывал активную роль, которую играло здесь стремление к независимости со стороны самих народов, на чьем подчинении базировалось величие всех таких «всемирных царств». Он иллюстрирует это примером крушения Рима под общими ударами германских и славянских племен. «Готы разрушили Рим... наши предки болгаре, сербы и хорваты, из-под самых глаз императора вырвали у римлян области иллирские. А готы, вандалы, лангобарды и прочие германцы захватили Африку, Испанию, Галлию, Германию, Паннонию и прочую, почти всю Римскую империю»².

Таким образом, уже в XVII в. Крижанич ясно отдавал себе отчет во вздорности идеи мирового владычества. Сознвая всю опасность и бедствия, которые несут человечеству попытки установления подобного господства, Крижанич вместе с тем не мог не видеть неизбежности военных столкновений в условиях феодальной Европы XVII в. Это заставило его сделать попытку к установлению известной градации войн по их целям и характеру, наметив возможные причины ратей «праведных» и «неправедных», т. е. справедливых и несправедливых.

Первая причина, делающая войну несправедливой, уже известна нам—это стремление к всемирному владычеству, ибо «какая польза есть человеку аще весь мир добудет, а душу свою сгубит?»

Крижанич знал немало примеров того, как порабощение независимых народов окружалось со стороны захватчиков неким цивилизаторским ореолом. Он говорил, что захватчики в таких случаях лицемерно ссылаются на свое «стремление» дать порабощаемым и истребляемым под этим предлогом «варварам» «свет истинной культуры и религии, создающими им государственность». В качестве исторического примера подобного ли-

¹ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 2, стр. 287.

² Там же, стр. 285—286.

цемерия Крижанич указывает на завоевание индейцев испанцами. «Когда суть были обретены индейские страны, все оны народы бяху поганы (язычники.—Б. Д.): а хиспански воиводы просто завладоваху, что коли могаху обсилить: чаючь то .по доброй правде учинено»¹.

Неприглядна, с точки зрения Крижанича, в таких войнах и роль церкви. Он указывает, например, что миссионеры тогда же хлынули на земли индейцев для насильной христианизации их и «с того есть было много спора и крича от епископов: кои суть и книги об том писали, и проповедали»².

Между тем явно несправедливым был со стороны испанского короля захват земли народов, «кои живут по человеческому урожению и закону», т. е. собственному «естественному порядку» и «кои правду судят и з ины народы заведы обдерживает по закону».

Из этого примера Крижанич выводит широкое обобщение о несправедливости идеологических и религиозных причин для захвата мирных народов. Он заявляет, что «ратию наезджать на кий народ за то, або есть поганский, или еретичен, несть нам допущено: разве аще бы он первле нас избидел»³.

Порицая войны, в которых правителями руководили алчные цели присвоения чужого добра, Крижанич резко выделяет «рати праведные», возникающие в тех случаях, когда историческая неизбежность заставляла то или иное государство прибегать к средствам вооруженной борьбы для обеспечения своей безопасности и независимости.

Рассуждения Крижанича о таких войнах, когда он пытается определить, «где причина рати будет праведна», сводятся, по существу, к двум случаям. Во-первых, правда, несомненно, находится на стороне того государства и того народа, который поднимается для своего освобождения от власти иноземцев. В виде исторической ссылки Крижанич иллюстрирует это положение примером борьбы русского народа против татарского ига. Он указывает, что подобная причина «рати» была безусловно праведна. Больше того, Крижанич считает, что прав был Иван IV, довершивший освобождение Руси от татарской опасности завоеванием Казанского ханства и Сибирской земли. Эту землю, говорит Крижанич, Иван IV «взял праведною ратию: по том что она земля есть была татарскому народу подвержена. А татары

¹ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 2, стр. 110.

² Там же.

³ Там же.

суть в давних временах русский народ сильно наезджали, и люто изобижали»¹.

«Праведная рать» возможна и в том случае, если государство стремится вернуть себе некогда захваченные у него другими народами свои исконные территории, отсутствие которых препятствует благоприятному развитию государства, развитию его внешних торговых связей и пр. Правда, Крижанич оговаривается, что такая рать возможна лишь после того, как будут исчерпаны возможности для мирного урегулирования спорного вопроса. Разумно прежде всего стремиться «вяще пожитка... взять чез мир, неже чез рать»².

Историческая аргументация этой мысли является как бы продолжением предыдущего рассуждения о борьбе русских с татарами. Крижанич считал необходимым для Руси продолжить эту «праведную рать» и в XVII в., добившись возвращения крымскими татарами земли на нижнем Дону и в Крыму, «або завзяли чужую». Это обеспечило бы безопасность южных границ Руси и позволило бы развивать внешние связи государства. Русские реки, говорит Крижанич, «в онамошне море уподают: и русский народ кругом стоит»³.

Доказывая справедливость такой войны, Крижанич неоднократно подчеркивает возможность приобретения Азовских и Черноморских портов, как одну из важнейших условий развития государства: «дабы оно торгование было отворено... Русь была двоиструко (вдвойне.—Б. Д.) богатея неже есть сада»⁴.

Характерно, что Крижанич все же обставляет рядом условий эту причину праведной рати. Война, указывает он, во-первых, может начаться лишь в том случае, когда оба государства не связаны каким-либо договором, т. е. в том случае, если объявление войны не произведет внезапного одностороннего нарушения существующих между государствами «уговоров с крестным целованием»⁵.

Во-вторых, он специально останавливается на судьбах мирного населения, живущего на земле, за возвращение которой происходит война. Крижаничу принадлежат мысли, направленные в защиту мирного населения и вошедшие в дальнейшем в основу принципов международного права. Так, он заявляет,

¹ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 2, стр. 111.

² Там же, стр. 126.

³ Там же, стр. 119.

⁴ Там же, стр. 127.

⁵ См. там же, стр. 109.

например, что «когда кий краль обладает кую державу, не может по правде людей... всех на вымор посечь, нить вон прогнать»¹ (завоеватель не вправе ни истребить, ни изгнать с насиженных мест жителей захваченных территорий.—Б. Д.). В случае если пребывание населения на захваченной земле опасно в военном отношении («аще им не доверяет»), то возможно, как указывает Крижанич, его переселение. Однако он снова подчеркивает, что «всех выгубить, либо прогнать, не ведется».

Отдавая себе отчет в неизбежности феодальных войн,—тем более, что «в королевских дворех николи несть скудно таковых советников, кои советуют ширить господство, и зарывать всячину, где коли ся покажет пригода чем завладеть»²,—Крижанич постоянно говорит о необходимости подготовки славян к борьбе. Ратное дело, указывает он, есть дело человеческой жизни, и «занятие ратным делом никогда не должно отлагаться». Но главное значение ратного дела заключается в подготовке к освободительной борьбе за независимость родного народа.

Вскоре случай помог Крижаничу принять непосредственно участие в такой справедливой рати.

В 1658 г. происходит исподволь подготовленный всем развитием мировоззрения Крижанича отход его от римско-католической церкви.

В этот момент Крижанич находился в Вене, откуда, вопреки папскому решению, обязывавшему его явиться в Рим, самовольно отправился в пределы Русского государства. Это был почти беспрецедентный в истории Римской курии эпизод, когда монах-иезуит, презрев специальное решение главы церкви, отправился в дорогу в качестве светского путешественника. Из Вены Крижанич выехал, присоединившись к русскому посольству стольника Лихарева, возвращавшегося тогда в Москву.

Москва не была, однако, в тот момент непосредственной целью путешествия Крижанича. Он, очевидно, стремился тогда не столько в столицу русского народа, сколько на Украину, охваченную восстанием под водительством изменившего России гетмана Выговского. Гетмана открыто поддерживала Польша, а против Выговского и его сторонников поднялись широкие народные массы Украины, требовавшие сохранения союза с Россией. Сюда-то, в самое горнило борьбы, и спешил Крижанич. Проче-

¹ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 2, стр. 130.

² Там же, стр. 107.

лав часть пути из Вены с Лихаревым, он расстался с ним в Кракове. И в то время как посольство, не желая пересекать польские земли, свернуло на север и поехало в Москву через Гамбург и Любек, Крижанич, проехав Львов, Дубну и Корец, в апреле 1659 г. очутился на Украине, в городе Нежине¹.

Выбор этого местопребывания не был случайным для Крижанича. Среди старшин Нежинского полка наиболее прочны были симпатии к Русскому государству. Крижанич вскоре оказался одним из виднейших участников кружка, активно действовавшего здесь в пользу сохранения Украины в составе Русского государства.

Крижанич жил у известного сторонника Москвы—нежинского протопопа Максима Филимоновича². Близко подружился он и с полковником Василием Золоторенко. Вокруг них собралась группа единомышленников, с именами которых мы частично знакомимся по сохранившимся и опубликованным Белокуровым документам. Так, посольство, бывшее целом об отпадении Нежина от Выговского, состояло из сотников: Забелы, Кобылецкого и Сидорова, обозного Рябухи с сыном, бурмистра Кургина, райцов Коченовского и Яковлева, ландвойтова сына Тимофея Алексеева, одного хорунжего и восьми казаков³. Входил в состав посольства и Юрий Крижанич.

В Нежине Крижанич написал два сочинения, известные в литературе по ряду списков: «Беседа ко черкасом» и «Усмотрение о царском величестве». С. А. Белокуров опубликовал русский перевод этих сочинений. Этим переводом мы и пользуемся в данном случае⁴. Ознакомление с этими небольшими произведениями проливает новый свет на характер деятельности Крижанича во время его пребывания на Украине.

Перед нами не памятники отвлеченных политических рассуждений, а конкретные практические документы борьбы украинского народа, участником которой был сам Крижанич. Они представляют собою как раз то, что на языке XVI—XVII вв. обычно обозначалось термином «прелестные письма». В современном значении слова—это прокламации, листовки. Написаны они были Крижаничем с единственной целью своеобразной пропаганды и предназначались, видимо, для широкого распространения.

¹ См. *Белокуров*, Из духовной жизни московского общества XVII в., стр. 159.

² См. там же, стр. 161.

³ См. там же, стр. 163.

⁴ См. там же, Приложения, стр. 28—32.

В пользу подобной версии говорит даже стиль этих сочинений, мало характерный вообще для других произведений Крижанича, но обязательный для литературы такого рода. Здесь все кратко, все рассчитано на быстрое восприятие и острое эмоциональное воздействие. «Беседа ко черкасом» имеет соответствующий подзаголовок: «Во особе черкашенина описана». В десяти пунктах этой «Беседы» чрезвычайно выразительно описывается грустное будущее, которое ожидает казачество при восстановлении польской власти на Украине. «Ляхи наведут на нас своих квартьян да немец,—предупреждает Крижанич,—которые будут даром у нас хлеб есть... те же желныри будут нам розные обиды и грабежи чинить... полская шляхта будет своих маетностей отыскивати... как уже давно Выговской шляхтичу Кринитцкому отдал замок Басанки и волоости... и что мы с ляхами бились, то пропалю»¹.

Сочинение Крижанича, судя по всему, было тогда весьма популярно, ибо точно отражало настроение не только народных масс Украины, но и значительной части казацкой старшины. По словам Крижанича, беседа «чли и хвалили». Она немало содействовала успешной борьбе с Выговским, так как люди, познакомившиеся с ней, «ко твоему пресветлому царству крепились в вере»,—сообщает Крижанич царю Алексею.

Другое сочинение того времени—«Усмотрение о царском величестве» было вызвано какими-то аналогичными контрмерами, исходившими из лагеря Выговского. В этом произведении можно подозревать ответ на какое-то воззвание, угрожавшее казакам репрессиями Москвы. Крижанич решительно опровергает все опасения казачества и не жалеет красок для восхваления царя Алексея Михайловича, который «есть бо беспрестанный постник, молебник и милостивник». В пылу полемического азарта Крижанич даже уподобляет русского царя Александру Македонскому, Юлию Цезарю и другим выдающимся государям. «Таков у римлян Юлиуш, у немец Каролос первый, у ишпан Каролос пятый и протчие инде»².

Вместе с тем, опираясь, очевидно, на какие-то заверения, исходившие, как можно предполагать, от Трубецкого, с которым Крижанич и его нежинские друзья поддерживали тайные сношения, он имел возможность предложить казакам опреде-

¹ Белокуров, Из духовной жизни московского общества XVII в., Приложения, стр. 28.

² Там же, стр. 31.

ленную программу от имени самого царского правительства: «чтоб сюдя ни един воевода или приказных людей с Москвы не присылаю. Так сгодившись во всем, волности и маетности будут всегда в наших руках»¹.

О сношениях московских войск и переяславских казаков говорит еще одно, весьма ценное, свидетельство самого Крижанича. Оно позволяет думать, что деятельность Крижанича в пользу объединения украинского и русского народов сводилась не только к чисто литературной. Так, например, он заранее был осведомлен о приближении переяславских казаков к Нежину, где еще стояли польские заставы Немировского полка. И «таку великую тайность твоему царскому величеству верно подержал и оным ротмистрам (Немировского полка.—Б. Д.) того совета не известил».

Нежин был первым городом, отошедшим от Выговского и заявившим, «чтобы быть ему в вечном подданстве по прежнему». Переход Нежинского полка на сторону правительства оказал существенное влияние на развитие последующих событий на Украине. Это событие, послужившее примером, показательным для других украинских городов, внесло раскол в ряды противника и изменило в тот момент даже ход военных действий.

Сообщение об отпадении Нежина от Выговского застало Трубецкого отступающим по направлению к Севску для прикрытия московских дорог. Первого сентября 1659 г. нежинские выборные—в числе их мы встречаем также и Крижанича—доставили Трубецкому свое челобитие². Здесь, между прочим, произошло первое знакомство Крижанича с А. С. Матвеевым (которому и принадлежала мысль отправить Крижанича в Москву вместе с гонцами, везшими сообщение о переходе Нежина на сторону московского правительства).

Через 12 дней после выезда из Путивля Крижанич очутился в Москве. 17 сентября 1659 г. в Московском посольском приказе был «распрашиван» выходец «сербинин» «Юрий Иванов сын Билиш»³. Под этим именем Юрий Крижанич жил в Русском государстве и был известен вплоть до второй половины XIX в.

¹ Белокуров, Из духовной жизни московского общества XVII в. Приложения, стр. 31.

² См. Белокуров, Из духовной жизни московского общества XVII в., стр. 163.

³ Там же, стр. 168.

ГЛАВА II

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ЮРИЯ КРИЖАНИЧА

О своем желании быть историографом—«писать историю правдиву и совершенну»—Крижанич заявил сразу же по приезде в Москву. «Молим ваше царское величество,—писал он 27 сентября 1660 г. царю Алексею Михайловичу,—названи быти историком летописцом... и под сим именем служити»¹.

О том, как представлялся Крижаничу его исторический труд, можно судить по многочисленным отрывкам, дошедшим до нас, а также по ряду его собственных высказываний. Так, например, можно полагать, что Крижанич задумал большое сочинение, охватывающее историю южного, западного и восточного славянства с момента первого упоминания об этих народах до конца XVI в. Важность подобного обобщения всеславянской истории подсказывалась Крижаничу полным отсутствием подобного сочинения в его время: «еже ся обретают токмо некои и уделны годописцы у русов, ляхов, и чехов: а обо всем целом народу (славянстве) годных и потребных историй или изпоминков и старинных повестей, нигде еще несть было видеть»².

1.

Вглядываясь в положение большинства славянских народов, наблюдая за политической и культурной жизнью своих соотечественников, разъединенных иноземным (турецким и особенно немецким) господством, Крижанич замечал, что славяне начинают забывать, а подчас и совсем не знают своего прошлого. «Словенцы старин своих не знают»,—констатирует он с огорчением. Это обстоятельство усугублялось искусственным

¹ Белокуров, Из духовной жизни московского общества XVII в., стр. 173.

² «Русское государство в половине XVII в.», ч. 2, стр. 2.

онемечиванием, насильно проводившимся на славянских землях германскими завоевателями.

Немцы, говорит Крижанич, «своими собачьими угрызками и притеснениями... довели бóльшую часть наших славян, живущих между ними, до отчаяния, так что сии последние стыдятся своего языка и рода»¹. Крижанич хочет воскресить в сознании славянских народов времена их национальной самостоятельности, проследить и выявить причины, позволившие врагам поработить независимые славянские государства, обосновать исторические права славянства на их исконные, дедовские земли, с которых в ту пору их сгоняли иноземные пришельцы. Как и другие «политичны науки», история Крижанича должна была выяснить вред всякого иноземного правления. «А политичны науки все одним гласом кричат», что «инородники никаковые любви не носят к общему народному добру», «и како бы силу народную, к укреплению своих отчин умедлили»².

Эта патриотическая идея кардинальным образом определяет отношение Крижанича к историческому прошлому славянства. Характерно, что наиболее яркие примеры для своих выводов он обнаруживает в истории Русского государства. Крижанич указывает, что это единственное государство среди славян, которое живет под «царем и господарем своего языка: а остальные все словенцы есуть подвержены чужим народом»³. Польшу, где правили короли из шведского дома, Крижанич считал захваченной немцами.

Факты русской истории особенно привлекают внимание Крижанича. Общеславянская история отодвигается у него как бы на второй план, являясь лишь фоном, на котором очерчиваются события из прошлого Руси. При этом Крижаничем руководит совершенно определенная политическая идея. В создании русского национального государства, в борьбе русского народа со всякими попытками внешнего порабощения он видит великий воодушевляющий пример, способный поддержать национально-освободительное движение среди других славянских народов. Русское государство, говорит Крижанич, — «светоч для откровения наших несчастных племен».

Таковы были мысли, с которыми Крижанич собирался приступить к задуманному им сочинению. К сожалению, его замыслы

¹ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 2, стр. 186.

² «Русское государство в половине XVII в.», ч. 1, стр. 200.

³ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 2, стр. 2.

так и не осуществились полностью. По каким-то причинам, до сих пор оставшимся неясными, все просьбы Крижанича о поручении ему составления истории были отклонены правительством. Предпринимавшиеся С. А. Белокуровым попытки отыскать документы, характеризующие отношение московских властей к этим просьбам Крижанича, как известно, не увенчались успехом.

Правда, внешние обстоятельства, казалось бы, благоприятствовали тогда Крижаничу. В Москве незадолго до его приезда прекратило свое существование официальное историческое учреждение—«Записной приказ», обязанностью которого было описание событий русской истории за период, наступивший после царствования Ивана IV¹. Возможно, что Крижанич был еще слишком мало известен в Москве, чтобы сразу получить должность царского историографа. Кроме того, самое появление его в столице с представителями украинского казачества было необычным и неожиданным. Можно предполагать также, что пост официального историографа, остававшийся как бы вакантным после закрытия «Записного приказа», был уже замещен дьяком Федором Грибоедовым, писавшим около этого времени свою «Историю о царях и великих князьях земли русской». Она была закончена, судя по авторской пометке, «во $\frac{177}{1669}$ году»².

Что касается занятий Крижанича в первое время пребывания его в Москве, то, по достоверным данным, он был сразу же определен на должность толмача в Посольском приказе³. Из литературных работ Крижанича того времени до нас дошли «Грамматика» и «Лексикон». Сведений о работах собственно исторического характера, проделанных в тот период, у нас нет. Мы считаем, что историческими сочинениями Крижанич занялся несколько позднее, живя в Тобольске и целиком посвятив себя литературной деятельности. Однако неудача, постигшая его попытку стать официальным историографом, несомненно, отразилась на характере источников, служащих для изучения исторических взглядов Крижанича. Дело в том, что его исторические сочинения не представляют собой последовательного рассказа, где события прошлого излагались бы в хронологическом порядке, составляя законченное целое. Все

¹ О «Записном приказе» см. у С. А. Белокурова, Из духовной жизни московского общества XVII в.

² Грибоедов, История о царях и великих князьях земли русской, стр. 1.

³ См. там же, стр. 177.

труды Крижанича, в которых он так или иначе касается славянской и русской истории, носят скорее подготовительный характер. Преследуемая здесь автором цель—это главным образом изучение и критика источников, а не их обобщение. Вместе с тем его отрывочные и часто весьма лаконически высказанные мысли, собранные вместе, дают ясное представление о глубоком и самостоятельном понимании Крижаничем событий русской истории.

Крижанич изучает и критически оценивает весь доступный ему материал русской истории, выбирая из него достоверные факты и отбрасывая вымысел, который «ласкавцы и домашни бахоры (сказочники.—Б. Д.) удумаша и в народныя повести вписаша»¹. Представление о масштабе задуманного Крижаничем труда, являющегося первой известной нашей историографии попыткой критически оценить средствами и методами XVII в. весьма многочисленные источники, дает уже одно перечисление изученных им исторических законодательных памятников и литературных пособий. В свое время список этой литературы был составлен А. Г. Брикнером на основании авторских ссылок самого Крижанича и затем почти без изменений повторен С. А. Белокуровым в его исследовании². Этот список, насчитывающий свыше ста названий отдельных книг, источников и имен, включает в себя почти все крупные произведения античной и средневековой философии. Крижанич особенно часто ссылается на Платона, Аристотеля, Фому Аквинского. Список включает также сочинения богословского, политического и политико-экономического характера, произведения итальянских гуманистов, ряд специальных трудов по отдельным отраслям знаний (начиная от филологических работ Липсиуса до книг, трактовавших специфические вопросы сельского хозяйства). В этом списке весьма полно представлены описания различных путешествий и географических открытий. В частности Крижаничу известны почти все описания Русского государства, сделанные иностранцами, побывавшими на Руси в XV—XVII вв.

А. Г. Брикнер, занимаясь главным образом исследованием экономических взглядов Крижанича, оставлял в стороне вопрос об изучении его исторических взглядов. Это отразилось на характере упоминаемого выше списка. Сюда включены лишь те исторические произведения, на которые ссылается в цитатах

¹ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 1, стр. 340.

² См. Белокуров, Из духовной жизни московского общества XVII в., стр. 234—235.

сам. Крижанич. Между тем большое значение для определения исторического кругозора Крижанича имеет возможно более полный перечень источников и пособий, привлекаемых им для своего труда. В этом направлении список Брикнера может быть значительно дополнен. Как можно установить по смыслу изложения, Крижанич пользуется для изучения древнейшей истории славянства и соседних народов сочинениями византийских историков—Прокопия и Маврикия¹. Он хорошо знает также книгу Константина Багрянородного «Об управлении империей»². Работая над историей западного славянства XV—XVII вв., Крижанич подробно анализирует чешские хроники периода Гуситских войн³, немецкие хроники XV в.⁴ При решении вопросов историко-юридического характера он ссылается на варварские правды (в частности Lex Salica)⁵, а также привлекает в качестве источников ряд документов публично-правового характера, как, например, грамоты королей Габсбургской империи и грамоты польских королей.

В основе изучения русской истории у Крижанича лежит русская летопись, показания которой он стремится рассматривать в сравнении с целым рядом других источников и литературных пособий. Здесь помимо таких рукописных и печатных книг, как «Печерский патерик», «Кормчая» и некоторые богослужебные книги, названные Брикнером, Крижанич пользуется «Степенной книгой». Ряд признаков указывает на знакомство Крижанича с государственными документами времени Ивана IV.

П. А. Безсонов имел у себя список летописи, собственно-ручно сделанный Крижаничем. Сравнивая его с одним из списков Погодинского древлехранилища, он полагал, что погодинская летопись и есть «тог самый список, с коего писал Юрий».

Крижанич, безусловно, хорошо знал Судебник 1550 г., а также памятники русской политической мысли: «Сказание о князех Владимирских», сочинение Филофея «О третьем Риме» и др.

2.

Крижанич приступает к изложению истории славянства с древнейших времен. Вначале он предпринимает своего рода этнографическое исследование о народах, населявших некогда

¹ См. «Русское государство в половине XVII в.», ч. 1, стр. 341.

² См. там же, стр. 343.

³ См. там же, стр. 340.

⁴ См. там же, стр. 343—344.

⁵ См. там же, стр. 341.

район северного Причерноморья и нижнего течения Дуная. Для уровня исторических интересов Крижанича показательно, что его уже не привлекают при этом традиционные изыскания. По выражению Шлецера, «прадеды наши в младенчестве исторической науки имели обыкновение при исследовании о происхождении народов делать два предварительных изыскания: 1) в каком народе древнейшего мира скрывается он?... и 2) от чего произошло название народа и что оно значит»¹.

Крижанич критически относится к летописному известию о том, что будто «словенский народ имал быть изошел от скифского плéмена: илити будь беху скифы были первы наши предники и народители»². Не обладая для полноты своей аргументации ни данными археологии, ни другими вспомогательными дисциплинами, Крижанич рисует, однако, если не совсем точную, то совершенно самостоятельную и приблизительно верную картину движения народов в черноморских степях и нижнем Подунавье. Скифы, как думает Крижанич, сами были вытеснены отсюда другими пришлыми народами. Позднейшими из них были готы, создавшие в IV в. крупное государство, простиравшееся до Иллирии. Лишь «после отшествия готов из Иллирские земли многи словенцы продвигши ся из великие, малые и белые Руси, преидоша за Дунай, и посадиша ся... в земле; где до днеска пребывают: и земле оной ново имя принесоша, да ся зовет Словенская. И от того врéмена (около V в. н. э.—Б. Д.) есть словенцы греком и влахом знаны постали»³. Между прочим, здесь мы получаем указания на источник, откуда черпает Крижанич свои сведения. Это—сочинения греческих историков V—VI вв. В этот период у них, действительно, встречаются первые упоминания о славянах.

В мысли Крижанича о происхождении южных славян «из великие и малые и белые Руси» отразилась аналогичная теория, зародившаяся в XVII в. Такую идею развивал применительно к чехам профессор Пражского университета Иоанн Судетский, со взглядами которого Крижанич, как мы предполагаем, был знаком.

При изучении проблемы о древнейших «насельниках» современных ему славянских земель Крижанич обнаруживает еще

¹ Цит. по кн. П. Милюкова, Главные течения русской исторической мысли, Спб. 1913, стр. 10—11.

² «Русское государство в половине XVII в.», ч. 1, стр. 340.

³ Там же, стр. 341.

один вымысел—известный «Маестат», якобы данный славянам Александром Македонским. Крижанич первый заподозрил здесь подделку и тогда же попытался всеми доступными ему средствами установить ее происхождение. «Бают:—пишет он,—яко бы Александр словенским князем... был прислал слободины на писму, или даровальные грамоты: и подаровал им на веки землю, как лежит между Хвалынским и Варяжским морем»¹.

Сопоставление одних только дат убедило Крижанича в том, что он столкнулся с явным вымыслом, ибо—умерший за 800 лет до появления славян на их современных землях—«Александр не могаше никому даровать земли, кая николи в его области несть была»². Происхождение этой легенды, как пытается установить Крижанич, ведет начало от чешских хроник. На русской почве эта легенда приняла еще более баснословный характер, когда русский летописец «из того преписуя, в место Дуная и Белого моря, положи Хвалынское и Варяжское море»³.

Этот вымысел оскорбителен для национального достоинства славянства, «беху от чужого народа, и от чужого владетеля, в дар приемали свою изконивечную отчину»,—указывает Крижанич. «Треба бо есть знать,—заканчивает он свою мысль выдающей догадкой,—яко мы русы ничем не мене неже древни афинцы можем ся звать афтохтоны, домородники»⁴.

Первая мысль об афтохтонности славянства принадлежит, таким образом, Крижаничу. В дальнейшем это положение не раз пересматривалось и отвергалось многими учеными (настаивавшими на сравнительно поздней колонизации славянами их земель—после выхода с некоей общей прародины), пока догадка Крижанича не нашла научного подтверждения в известных трудах покойного академика Н. Я. Марра.

Для необычайной проницательности Крижанича, сумевшего уже в XVII в. обпаружить и своеобразно—подчас в форме догадок—разрешить многие узловые вопросы нашей истории, особенно показательное отношение к летописному сказанию о призвании варягов, якобы положившем начало Русскому государству. Крижаничу принадлежит первое критическое суждение по этому вопросу, которое уже через сто лет составило целое течение в науке. «Критический ум Крижанича,—говоря словами

¹ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 1, стр. 340.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

Н. И. Костомарова,—в половине XVII века признал прямо за чистую басню призвание трех братьев—Рюрика, Синеуса и Трувора,—басню, которую и до сих пор некоторые ученые упорно выдают за истину»¹.

Самое летописное известие Крижанич излагает весьма характерно: «Вторая басень (первой басней он считает теорию о происхождении русских от скифов.—Б. Д.). Гостомысел, де, князь, и во своем смертном разряду, сицеву отлуку есть учинил к новгородцем: «За то между нами бывает незгодие, и межуособные рати, что немаем царя от царского рода. Вы адда после моей смерти выправите послов в Варяжескую Прусскую землю, и молитесь тамошних самодержцев курфистров, исходящих от рода Кесаря Августа: да беху пришли князевать на Русь»².

Рассуждения Крижанича, направленные против этого вымысла, носят, правда, более логический, нежели исторический характер. «Не могаху,—утверждает он, например,—новгородцы николи быть тако глупы... что посылаху к инородником, просить не едного, но трех князев?—...За что владение свое до толе соединено разделиша на трое, и даша Новгород Рюрику, Изборск Трувору, а Белое озеро—Синевусу?» Как заключает Крижанич, известно, «по разделению не сильней, но паче слабли постают народы»³. Между прочим, от его внимания не ускользнуло и политическое значение летописного вымысла, явно преувеличивающего историческую «роль», которую сыграли якобы варяги в создании Русского государства⁴. «Не могу,—пишет Крижанич,—оминуть како и он лаявец и хульник народа Петреюш Немчин (Петр Петрей.—Б. Д.) произъявляет свою глупость и песью огрызливость, где пишет «...беху послы новгородски от варягов были плачучь молили и просили трех князев». За что плачучь? За что трех? Из коего летописца есть то изнял той хульник»⁵,—скептически восклицает Крижанич.

При всей широте своего исторического кругозора Крижанич не в состоянии был положительно ответить на вопрос о начале государственности у восточных славян. Он не раз возвращается к этому эпизоду: В Новгородской земле, полагает

¹ Н. И. Костомаров, Русская история в жизнеописаниях главнейших деятелей, кн. II, стр. 375—376, примечание.

² «Русское государство в половине XVII в.», ч. 1, стр. 341—342.

³ Там же, стр. 342.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

он, например, жили раньше варяги, которые были завоеваны славянами и, поглощенные этим племенем, впоследствии смешались с ним. Славянские князья «емали суть си жены из дочерей убиенных варяжеских князев, Рурика, Трорура и Синеуса, и иных»¹.

В этой наивной версии, где исторические события изложены как раз в порядке, обратном действительности, проскальзывает, между тем, одна глубокая мысль—об «ославянивании» варягов и их растворении в славянской среде.

Крижанич пропускает почти все события внутренней жизни Киевской Руси и вскользь говорит (в связи с упоминанием о христианстве) о Владимире Святославиче. Из фактов внешней жизни империи Рюриковичей Крижанича занимают главным образом отношения с Византией, к которой сам он относится весьма отрицательно. Перечисляя обиды, чинившиеся русским греками, Крижанич специально останавливается на войнах Святослава с Болгарией. Он считал их бессмысленными и объяснял их подстрекательством византийских императоров, которые «наших предков русских до того свели с ума, что русские за них сражались против братьев своих болгар»². Из позднейших киевских князей внимание Крижанича привлекает лишь Владимир Мономах. Впрочем, и о нем он говорит только в связи с политикой греков, так как греческий царь якобы прислал Мономаху знаки царского достоинства и тем «изподтишка покрыл нас бесславием, чтобы думали,—русский царь не мог бы иметь царского достоинства, если бы не получил его от царя греческого»³.

Крижанич неоднократно возвращается в своих сочинениях к этому эпизоду, указывая, что «Мономах (византийский.—Б. Д.) мог столько же придать величества Владимиру (киевскому.—Б. Д.), как и Владимир Мономаху, не более»⁴.

Период феодальной раздробленности, наступившей, когда «после Великого Владимира, домовина наша, руская земля есть была времени между множе господарев разделена илии паче раздерта, и люто межуособными ратьми траплена»⁵, также почти целиком опускается Крижаничем. Интерес вызывает у него только деятельность первых московских князей, в том числе—

¹ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 1, стр. 344.

² «Русское государство в половине XVII в.», ч. 2, стр. 218.

³ Там же.

⁴ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 1, стр. 349.

⁵ Там же, стр. 334.

Ивана Даниловича Калиты, который «естъ был собиратель народу або естъ собрал под свою область вящий дел руского народа, и распространил владение далеко и широко»¹, а также внука его Дмитрия Ивановича Донского, который был настолько силен, что «могаше по достойну венчаться коруною, и уживать всяких величественных знаковин»².

Этими фактами, по существу, и ограничивается Крижанич, отмечая события XI—XV вв. Но сквозь этот, внешне произвольный и односторонний отбор фактов отчетливо проглядывает историческая концепция Крижанича, вытекающая из той политической идеи, развития которой он ищет в историческом прошлом Руси. Настоящая история начинается для него с 1547 г., т. е. с того момента, когда венчался на царство Иван IV. Он полагает, что именно это время и кладет начало созданию централизованного государства, которое представляется Крижаничу объединением земель под властью самодержавного государя.

Выступая в XVII в. со страстной апологией феодальной монархии, Крижанич обнаруживает отчетливое понимание великого значения сильной центральной власти для исторических судеб Русского государства. Сильная, централизованная власть в это время, как говорит Энгельс, была прогрессивным элементом, «представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующейся нации в противоположность раздроблению на бунтующие вассальные государства»³.

Крижанич подчеркивает, что Русь освободилась от татарского ига «не чрез аристократию, не чрез немецкую полиархию, но чрез монархов, мужей высокого сердца»⁴. Он считает, что лишь с объединением власти возникают первые возможности разумного строения государства. «Самовладство» есть, по Крижаничу, «народному добру стоянию»⁵.

Крижанич рассматривает русское самодержавное государство уже в его более или менее сложившемся виде—по воцарении Ивана IV. «Сего бо владетеля он господь, яко иногда иных двосильников, естъ обдарил храбрым сердцем, и долгим пяддесяти годов владением»⁶.

¹ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 1, стр. 335.

² Там же.

³ *Маркс и Энгельс*, Сочинения, т. XVI, ч. 1, стр. 445.

⁴ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 2, стр. 69.

⁵ Там же, стр. 49.

⁶ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 1, стр. 335.

Таким образом, Крижанич считает, что подлинная история русского народа и Русского государства начинается с половины XVI в., когда (в 1547 г.) «сподобно, достойно, и по всякой правде, учинил ся есть венчать коруною величества, и начал писаться царем»¹. К характеристике Ивана IV Крижанич обращается не раз и по самым различным поводам. Его, видимо, привлекала колоритная фигура царя, как и вся эпоха в целом.

Для наиболее полного ознакомления с данным периодом русской истории Крижанич собрал большой фактический материал. Он знакомится с произведениями иностранных писателей—Одерборна и Гейденштейна, изучает показания летописи, а также Судебник 1550 г. и грамоты XVI в., рассматривает идеологические течения, господствовавшие в XV—XVI вв., и т. д.

Крижанич несколько противоречиво рисует образ самого Грозного. С одной стороны, он изображает его как выдающегося государственного деятеля: «дивосильника», «мужа высокого сердца», подобного Юлию Цезарю. Как Юлий Цезарь «Римскому царству баше основатель...»,—указывает Крижанич,—то сему рускому есть зачальник царь Иван Васильевич»². С другой стороны, он, несомненно, видит в Грозном тирана.

На первый взгляд в этой характеристике Грозного сказана полная зависимость Крижанича от сложившегося уже к XVII в. традиционного представления о бессмысленной жестокости Ивана IV. Однако в действительности это далеко не так. Отрицательное отношение к Грозному со стороны его современников определялось главным образом политическими мотивами и отражало симпатии к тому классу феодальной аристократии, в борьбе с которым Грозный проявил столько решительности и непримиримости. Но как раз в этом отношении Крижанич целиком находится на стороне Ивана IV. Борьба с удельным сепаратизмом во имя объединения власти, борьба «самовладства» с «анархией» или «политархией» как нельзя более полно соответствовала собственным идеалам Крижанича. Он считал, что нет ничего опаснее для государства, как раздробление страны на уделы, когда «каждый знатный становится себе царем»³.

Феодальная аристократия, или—употребляя выразительный термин Крижанича—«сарданапаль»,—вот носители этого разру-

¹ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 1, стр. 335.

² «Русское государство в половине XVII в.», ч. 2, стр. 4.

³ Там же, стр. 273.

шающего начала. Они—причина внутренней слабости государства. «Кои забыв народа, забыв общего добра, забыв стана/и уряда своего, все целы ся предают лености, и раскошам, и посебуйным пожитком; на прилику оного древнего Сарданапала»¹. От них и проистекают «человекоубийства и заговоры», они «никакова добра в общину не причиняют: а много злодейства, и народные обиды безнаказанно чинят». Сарданапалы «нить руками, нить советом, нить корвию, нить/пóтом своим народу не корыстят, а иных людей корвь и пот пожирают»².

Крижанич объявляет эту категорию людей «врагами нашего государства и народа», одобряя по отношению к ним/самые крутые меры. Сарданапалов можно «захватывать, брать, обирать, задерживать, продавать и изгонять»³.

Все эти суждения Крижанича чрезвычайно близко совпадают с собственными мыслями Ивана IV, направленными против боярства. «Подвластных же всех аки рабы себе сотвориша, своя ж рабы аки вельможи устроиша; правити же мнящесь и строити, и вместо сего, неправды и нестроения многая устроиша, мзду же безмерную от всяких избирающе, и вся по мзде творяще и глаголюще»⁴.

В интересах укрепления монархии Крижанич отвергает политические права удельных князей, отстраняя их от всякого влияния на политику государства. «Отвергаем,—указывает он,—суетные звания тех, кои, ведя может стагся свой род от древних местных князей Руси, по происхождению сему величают себя князьями...»⁵

Таким образом, политические симпатии Крижанича, несомненно, находятся целиком на стороне Грозного. Что же касается отрицательных черт, которые не менее резко подчеркнуты Крижаничем в правлении Ивана IV, то он говорит о них исключительно в связи с необходимостью охарактеризовать те или иные стороны экономического положения страны, сложившегося в XVI в. под влиянием Ливонской войны и ломки старого хозяйственного уклада, произошедшей при Грозном. Пытаясь установить причины этого явления, Крижанич обращался

¹ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 2, стр. 62.

² Там же, стр. 63.

³ Там же, стр. 38.

⁴ См. «Сказания князя Курбского», Спб. 1868, стр. 160.

⁵ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 2, стр. 77.

к своим источникам и прежде всего к юридическим памятникам изучаемой эпохи. Знакомство с Судебником 1550 г. и с некоторыми государственными актами,—где он так и не нашел соответствующих его идеалам гарантий гражданской свободы,—привело его к мысли о том, что «в прелютых тиранских царя Ивана законех»¹ и кроется причина всего внутреннего неурядиства русской жизни не только в XVI, но и в начале XVII в. В юридических памятниках эпохи ему, например, бросается в глаза обязанность администрации «всяким способом... государственной казне прибыли искать»². Это является для Крижанича причиной и одновременно законодательным освящением административного произвола, чинившегося над народом со стороны представителей власти. «Тако для ради себе, яко для ради царя, всяким вымыслительным начиниом (способом.—Б. Д.) томят, трапят (мучают.—Б. Д.), одирают окаяных (находящихся в отчаянном положении.—Б. Д.) подданныков»³.

Попутно Крижанич рисует любопытные картины нравов московской администрации того времени: «Бедный подьячий морает в приказу сидеть чез весь год, все целые дни, ни единого дне изнявши... а из казны му идет алтын на день... А живут единаково. А из чесо живут? Лехко ся есть домыслить. Рекши из продавания правды»⁴.

В этом смысле Судебник 1550 г.—«само царя Ивана законоставие есть явно неправедно»⁵,—указывает Крижанич, поскольку здесь предусматривается обращение судебных пошлин в царский доход, а также взимание «в казну не вем каковые пресуды и правые десятины»⁶. Он видит здесь якобы специальную заинтересованность государства в создании судебной волокиты и поощрение сутяжничества.

Крижанич как критик Грозного является скорее наблюдателем юридического быта, нежели историком. Он делает немало правильных замечаний, касающихся московских порядков, однако с исторической точки зрения эти разделы его сочинений наиболее слабы. К законодательству Ивана IV Крижанич подходит с готовой меркой. Он расценивает его, исходя из своих собственных политических взглядов. Не обнаружив в России

¹ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 1, стр. 291.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 292.

⁵ Там же, стр. 293.

⁶ Там же.

«доброто законоставия», он сам разрабатывает систему различных законодательных проектов и с этих позиций критикует Судебник Ивана Васильевича, умпыленно замалчивая его серьезное значение для своего времени.

Крижанич стоит значительно выше как историк и политический мыслитель в разборе некоторых заинтересовавших его памятников русской политической идеологии конца XV и начала XVI в. При этом его внимание привлекают главным образом два памятника: «Сказание о князех Владимирских» и известное сочинение Филофея «О третьем Риме». Оба эти документа, весьма близкие по своей идее, развивают сходную мысль о Москве как о наследнице древнего Рима. Авторы этих произведений пытались связать Московскую великокняжескую династию с владетелями древней мировой монархии, ведя ее от «колена Августа Кесаря».

Время происхождения обоих сочинений Крижанич непосредственно связывает с царствованием Ивана Грозного. В действительности они были созданы в конце XV или в начале XVI в.

И. Жданов, специально исследовавший «Сказание», определяет дату его происхождения между 1480 и 1523 гг. Он полагает, что автором произведения был известный Пахомий Логофет. Крижанич же приписывает «Сказание» эпохе Ивана IV, видимо, основываясь на той популярности, которой пользовалось оно при Грозном¹.

Сочинения, подобные «Сказанию», были, вероятно, знакомы Крижаничу и раньше—по западной и южнославянской (главным образом по сербской и болгарской) литературе. Соотечественники Крижанича, сербские писатели, подобно московским книжникам, заявляли о происхождении своих царей из Рима и даже от колена того же Августа². Аналогичная легенда была в ходу не только у южных славян. Крижанич встречается ее и у венгров, где «Матиаш Вугерский краль бяше велик хвастовец, и своих дел проповедник», считал «и в вестинных книгах писаше», что происходит «от колена некоего преславного римского князя Корвина; и крепляше ту ложь необстоятельными детинскими причинами»³.

Легенда о происхождении московских князей из Рима, по мнению Крижанича, заимствована из венгерского источника. «Ма-

¹ См. И. Жданов, Русский былевой эпос, Спб. 1895.

² Там же.

³ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 1, стр. 346.

тиаша того есть наследовал царь Иван Васильевич», который хотел, чтобы люди по венгерской легенде «увероваша... быть Августовым родонаследником, яко веруют Александра быть Зевсовым сыном: или краля Матиаша Корвиновым отродком»¹.

Историческая аргументация доводов, направленных против происхождения Ивана IV из Рима, довольно проста. Знавший античную историю Крижанич без труда установил, что «Август бо несть имал сына родного, но Тибериуша пасынка, кий есть за ним кралевал». Последним потомком Августа был Нерон, который «згину без отродия». А «после Нерона никто на свету ся несть озвал Августовым племенником: разве единый царь Иван, после тысуча и пяти сот годов от Нерона»².

Вместе с тем для Крижанича не было секретом значение политической идеи, для обоснования которой и потребовалось сочинение разобранной им сказки, связанной с периодом создания Русского государства. Эта легенда служила и для возвышения самого государства в ряду других народов и для обоснования политической практики московских великих князей.

Однако, по мнению Крижанича, этот вымысел не был в состоянии содействовать возвышению Русского государства и его правителей. Он приводит при этом весьма остроумный довод, против которого вряд ли нашли бы возражение и сами московские политики, придерживавшиеся точки зрения православного благочестия. Восстановив генеалогию римских императоров (по римской мифологии), Крижанич установил, что русские цари— в случае признания вымысла за правду—неминуемо должны были оказаться потомками не только славных полководцев и владетелей мировой монархии, но и «Зевса поганского бога» и «оповедаться отродком Афродиты блудные богини».

Крижанич осуждает правителей, ищущих славы «в ложных, и всем народом смешных и поплыванных баснях, об Августовом поколению»³. Истинная слава для народа и государства заключается в утверждении и сохранении традиций своей политической самостоятельности и культурной самобытности. Крижанич с укоризной замечает по адресу царя Ивана, что ему «доста старости (величия.—*Б. Д.*), и доста славы баше, озываться отродком своего истинного зачальника словена, а за тем и краля Владимира»⁴.

¹ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 1, стр. 346.

² Там же, стр. 345.

³ Там же, стр. 346.

⁴ Там же.

Известную официальную мысль о Москве как о «Третьем Риме» Крижанич разбирает, пытаясь выяснить прежде всего, насколько преемственность от древнего Рима способствует упрочению международного значения Русского государства. В трактовку этого вопроса Крижанич вплетает одно побочное обстоятельство. Дело в том, что в его эпоху Римской империей называлось еще одно государственное образование — «воображаемого и некоронованного царя Рима — Германского».

Возможность даже мысленного сближения Русского государства с «германской священной Римской империей» вызывает активное негодование Крижанича. Поэтому-то он столь подробно останавливается на опровержении послания Филофея¹.

Для московского книжника XV в., видевшего величие Римской империи в ее мировом господстве, самым существенным было внешнее обстоятельство — территориальные просторы Римского государства. Крижанич смотрит на этот вопрос с совершенно иной точки зрения. Прежде всего он выясняет, обладал ли древний Рим в организации своего внутреннего строя какими-либо преимуществами перед Русским государством, где государи держали «полную королевскую самодержскую область». Он хочет знать, были ли римские императоры такими же абсолютными монархами («совершенными самовладцами»), как русские. Античная история убедила Крижанича в обратном. Политическая организация Русского государства гораздо более соответствует его идеалу. Крижанич считает, что с этой точки зрения она стоит значительно выше римского общественного строя, где даже «Август бо наиславней и наисильней Римский царь не быше совершен самовладец: и дума римская николи му несть крестного целования, илтиг верные подданниче присяги учинила»². Он даже «имаше область меню от польских кралев и несмяяше казнить оных, кои суть были уморили отца его Юлиуша».

Что касается «Второго Рима», то отрицательное отношение к Восточно-Римской империи, сложившееся у Крижанича еще в 40-х годах, находит в суждениях о нем свое наиболее яркое выражение. Вся история Византии представляется ему цепью множества «прилик (примеров.—Б. Д.) злодейства». Он указывает, что «ни в единой королевству на свете несть было вяще негодья, тревоги и кровопролития для ради государства». Из

¹ См. «Русское государство в половине XVII в.», ч. 2, стр. 182.

² «Русское государство в половине XVII в.», ч. 1, стр. 353.

36 известных ему константинопольских императоров едва «10 царев есть своей смертью умерло. Кий от супротивников уморен, кий сам от себя от отчаянья».

Греческая империя по своему внутреннему устройству представляется Крижаничу типичным примером анархического государства, где правят «чернь и вояки». Таким образом, Крижанич приходит к выводу, что тот, кто сочинил эту легенду, — «несть наш приятель».

В рассуждениях по поводу «Третьего Рима» весьма показательно, что Крижанич обходит одну немаловажную мысль этого сочинения: о преемственности России от Византии, а именно — сохранение чистоты православной веры, являющееся миссией русских царей после 1453 г. Церковные вопросы вообще в тот период (60-е годы XVII в.) занимают крайне незначительное место в сочинениях Крижанича, а здесь он отбрасывает их совершенно, видимо, с единственной целью — возможно полнее сосредоточиться на изложении своих политических взглядов.

Решительно отвергнув все те вымыслы, которыми политики XVI в. пытались обосновать высокое положение Русского государства среди других народов, Крижанич стремится, не прибегая к фантазии, дать собственное философское объяснение роли русского народа во всемирной истории. Здесь он подходит к кульминационному пункту всей своей исторической концепции.

3

Задавшись целью научно объяснить преемственность в процессе исторического развития народов, Крижанич обнаруживает исключительно глубокое его понимание. Факты всемирной истории приводят Крижанича к выводу, что развитие народов представляет собою единый процесс. Этот процесс есть непрерывное и постепенное познание каждым народом своей исторической миссии. Завершается этот процесс всесторонним развитием духовных качеств народа, обозначаемых Крижаничем общим термином: «мудрость». Эта высшая ступень народного самопознания складывается из трех главных моментов: политической мудрости, что «ся зовет наивыщих и наивыших вещей знание»¹; «знания» — что «есть познание вещей по причинах»²;

¹ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 1, стр. 113.

² Там же.

и, наконец, «философии илито мудрoлюбия»,—что есть «охота к мудрости», т. е. является средством достижения высшего познания.

В процессе исторического развития, или, по меткому выражению В. О. Ключевского, «в мировом преемственном возделывании мудрости»¹, каждому народу в разные времена принадлежит особая самостоятельная роль. Люди постоянно движутся вперед, «познавают... истину... что было неудобно, чинят быть удобным; что было добро, переменяют в луче»². История народов напоминает Крижаничу жизнь отдельного человека. Государства появляются на исторической арене с «детинства», за ним следует отрочество,—«младость», после чего наступает расцвет духовных сил народов—«мужеская доба». Достигнув высшего развития, государства постепенно приходят в упадок: «на последок старость есть была»³.

Крижаничу свойственны элементы диалектического мышления. Нарисованный им процесс развития непрерывен. Человечество «опять ся чинит поврат г добрым уставам ильти законом: от добрых устав ко крепости; от крепости г добромy стоянию; ильти ко блажености и ко славе»⁴.

В круговорот всемирного развития Крижанич вносит свою периодизацию. Он различает три крупных отрезка времени, «три главы»: первая соответствует времени существования Римской империи (до Константина Великого, «бо пренесена есть столица из своего места: от Рима в Цариград»⁵). Вторая глава соответствует времени правления «царев от народа греческого, и кои кралеваху в Цариграду после разорения града Рима». Третий период следует от «Карула Немчина, и остальных за ним, кои ся хвастают тем же именем и знаковинами царев Римских»⁶.

Крижанич считает, что народы каждой исторической эпохи вносили свою определенную лепту в дело прогресса. Вот как представляются Крижаничу некоторые моменты этого постепенного развития науки, искусства и ремесла у отдельных народов, из которого складывается единый процесс создания общечеловеческой цивилизации.

¹ В. О. Ключевский, Курс русской истории, ч. 3, М. 1937, стр. 267.

² «Русское государство в половине XVII в.», ч. 2, стр. 144.

³ Там же, стр. 145.

⁴ Там же.

⁵ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 1, стр. 354.

⁶ Там же, стр. 355.

Когда «греческо кралество бяше на верхунцу, своя славы: ино в он истый век живеху Платон, Аристотель, и ины мудры мужи, и премноги да преизящны реместники». В древнем Риме «наиславней в мудрости почитают: якоже Цицерон, Катон, Варгилиуш, Сенека, и ины и преизящны ликописцы, каменорезцы (ваятели.—Б. Д.), и ины реместники»¹. В последних веках «некие знаменитые уметели есуть изобретены от влахов: яко же звоны, магнитова игла, с кою ся чолнари возят по морю (компас.—Б. Д.), пение музыкальное на многие гласы. А от немцев бе изобретено тискование книг, часы, пушки, ликописие тискованое на меди и иные рукоделья»².

Славянству в ходе этого развития предопределена не менее высокая самостоятельная историческая миссия. Появление на исторической арене Руси—единственного тогда национального славянского государства—совпадает с упадком последних мировых монархий. Развитие («тяжение») «мудрости» становится делом славянства и прежде всего русского народа. Славянам предстоит, по Крижаничу, «ни в едином году, ни в кратком времени», но постепенно, «в тысячу годов» (как это было, например, у древних греков) пройти «по малу, един от других учахуся», сложный процесс познания «мудрости», т. е. развития духовных сил народа, и внести свою лепту в дело общечеловеческого прогресса.

Трудно переоценить оригинальность и необычайную глубину этой—на редкость законченной для того времени—историко-философской концепции, которую ставит Крижанич на место различных, отвергнутых им вымыслов и логических умозаключений русских книжных людей XV, XVI вв. Нельзя забывать, что эта концепция была создана тогда, когда общий уровень русских исторических знаний еще не вышел за пределы схемы, намеченной в XV в. «Степенной книгой», на которую возлагалась Записным приказом задача, официально сформулированная в 1658 г. следующим образом: «Записывати степени и грани государствования» с Ивана IV до царствования Алексея Михайловича.

Таким образом, представление об истории как об едином процессе развития, утверждающееся в науке лишь с XVIII в., впервые сформулировано Крижаничем на русской почве еще в 60-х гг. XVII в.

¹ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 1, стр. 109.

² Там же, стр. 108.

Эта историко-философская концепция Крижанича приблизительно на полстолетия опередила положения итальянского философа Джамбаттиста Вико о поступательном движении наций и о круговороте исторического развития.

Правда, Крижанич оказался менее счастливым по сравнению со своим младшим итальянским собратом, труд которого—«Основания новой науки об общей природе наций»¹—впервые был издан в 1725 г., еще при жизни автора. Это сочинение сразу обратило на себя всеобщее внимание, дав Вико первенство во взгляде на историю как на единый процесс. Сочинения же Крижанича стали, как известно, достоянием науки лишь спустя двести лет после его смерти. Следует указать, однако, что какие бы то ни было подозрения относительно возможности взаимного заимствования должны быть заранее отвергнуты. Не зная друг друга, Крижанич и Вико в разное время задались одинаковой целью, и каждый из них дал самостоятельное, но сходное в основной своей идее решение вопроса о закономерности общественного развития. Крижанича и Вико роднит уже общее им обоим представление об истории, как об едином и непрерывном процессе, сохраняющем преемственность между предшествующими и последующими формами развивающейся общественной жизни. Выработанные ими схемы (по своей формальной структуре) совпадают почти полностью. Подобно Крижаничу, говорившему о «детинстве» человечества, об его юности, «младости» и, наконец, о зрелости, когда, по его выражению, наступает «мужеска доба»,—Вико устанавливал совершенно аналогичные периоды в развитии народов. Оба они считают этот процесс непрерывным и подобным кругообразному движению.

Однако в разрешении многих частных моментов этой общей идеи Крижанич и Вико расходятся. Напомним о том, что Вико изложил свои взгляды систематично, в то время как сочинения Крижанича носят преимущественно фрагментарный характер, давая значительно более подробную трактовку историко-философской концепции.

Расхождение Вико и Крижанича начинается с исторической аргументации, привлекаемой ими для обоснования периодизации общественного развития. Внутреннюю логику поступательного движения, совершаемого нациями, Вико искал в развитии правовых и государственных институтов различных народов в различные эпохи. Поэтому он строил свои выводы на сравне-

¹ Вико, Основания новой науки об общей природе наций, Л. 1940.

ниях преимущественно юридических и отчасти литературных памятников. Анализируя эти источники, Вико с большой глубиной проникает в сухие правовые формулировки. Он видит за ними реальные отношения людей, по-разному складывавшиеся в различные эпохи. Вико сумел уловить социальный характер той острой борьбы, которая пронизывает всю историю человеческого общества. Из динамики этой борьбы и вырастает его деление истории «на три века, которые... протекли в мире... т. е. деление на век Богов, век Героев и век Людей»¹, причем первый из них означает детство, второй—юность и последний—зрелость человечества².

Крижанич не углублялся, как это позднее сделал Вико, в подробное определение всей многогранной общественной жизни людей, столь различной в разные эпохи. Для него исторический процесс сводился лишь к постепенному духовному развитию народов, прогрессу наук, искусств, художественных ремесел, т. е. к развитию цивилизации. При этом Крижанич устанавливал закономерность исторического процесса, исходя из совершенно других позиций, чем Вико. Подчеркивая своеобразную объективность, необходимость и преемственность в развитии отдельных народов, Крижанич стремился установить как бы начертанную самим ходом истории неизбежность освободительных тенденций в национальном развитии славянства. Эта идея блеснула в его сознании в связи с разработкой освободительных, патриотических планов. Ставя славянство в ряд с другими крупнейшими народами и отводя ему самостоятельную крупную роль в общем прогрессе человечества, Крижанич обосновал этим историко-философским аргументом права славянских народов на их полную независимость.

В этом смысле историко-философская концепция Крижанича, непосредственно отражавшая освободительные чаяния славянства, носила более активный и практический характер, нежели позднейшие аналогичные мысли Вико, оставшегося при всей своей необычайной эрудиции и проникательности все же замкнутым кабинетным ученым.

Из этой же историко-философской схемы вытекало и представление Крижанича об активной роли самих людей в их

¹ Вико, Основания новой науки об общей природе наций, стр. 377.

² См. «История философии», т. II, стр. 273—278; М. Лившиц, Джамбаттиста Вико. Предисловие к изданию «Новой науки».

движении по пути прогресса, в познании той высшей «мудрости», которая в качестве разумного начала лежит в основе человеческой истории.

Правда, Крижанич не мог оставаться целиком последовательным в объяснении этой высшей идеи, внутренне определяющей ход человеческой истории. Здесь неизбежно должна была сказаться историческая обусловленность мировоззрения Крижанича, которое сложилось в ту эпоху, когда самые передовые научные представления еще сохраняли многие богословские черты, когда действительные причины, движущие историческим развитием, еще не были открыты и «на место действительной, еще не известной связи ставилось,—как говорит Энгельс,—...новое, бессознательное или постепенно достигающее сознания таинственное провидение»¹. Поэтому Крижанич, так же как и Вико, как в дальнейшем почти все философы-идеалисты, не мог не прийти к признанию провидения, божественного промысла в качестве конечной причины развития истории.

Крижанич написал две работы, где эта мысль выражена особенно отчетливо: «О промысле» и «Толкование исторических пророчеств». Вместе с тем Крижанич, видимо, совершенно отчетливо представлял себе то резкое противоречие, в которое должна была сразу же вступить эта идея неизбежности, фатального божественного предначертания, с его же собственными планами активной борьбы славян за свое освобождение. Крижанич весьма своеобразно вышел из затруднительного положения, разграничив мудрость духовную и мудрость мирскую.

Духовной мудростью Крижанич считает науку богословия. Характерно, однако, что даже в специальном философском разделе «Об политической мудрости»² он не нашел нужным остановиться на более подробном определении этой духовной мудрости, которая, по его словам, «имает в себе своя разделения, об коих здесь молчим». В дальнейшем он также ни разу не возвращался к определению этого понятия.

Мирская наука, по определению Крижанича, состоит из целого ряда преимущественно прикладных наук, обобщаемых им терминами математики, механики и философии.

«Математика», или «дивное учение», содержит в себе, как указывает Крижанич, «музыку, арифметику, геометрию и астрономию».

¹ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XIV, стр. 666.

² «Русское государство в половине XVII в.», ч. 1, стр. 116—124.

«Механика либо рукоделие и промышленные держит в себе рукодельное ремесло, и тежачество (земледелие) и торговство».

«Философия» содержит в себе физику и этику. К физике Крижанич, между прочим, относил: «врачество, и познание всяких телесных вещей: руд, камня, дровя, зверя, и всех иных видных вещей».

Познание мирской «мудрости» собственно и является процессом цивилизации, процессом развития наук, ремесл и искусств. В этом процессе, по мнению Крижанича, и творится людьми их подлинная история.

Подобное разделение, может быть, несколько непоследовательное внешне, позволяло Крижаничу резко ограничить роль провидения узкой сферой непосредственного богословия. Настоящая человеческая история освобождалась таким путем от какой-либо связи с божественным произволом.

Провидением определялись, по Крижаничу, скорее лишь начальные и конечные периоды в истории народов; внутри же этих исторических отрезков люди действовали вне досягаемости божественного произвола. В упоминавшемся уже сочинении— «Толкование исторических пророчеств»,—где Крижанич как никогда более зависит от богословских традиций, звучит та же мысль. Так, например, на основании библейских пророчеств Крижанич считал Турцию государством, закончившим свое развитие, ибо ей «ко окончанию время пришло».

Крижанич не только отводил людям главную роль в создании их истории, но и догадывался об активном воздействии общественной практики на формирование сознания самих людей, их представлений, понятий, идей и пр. Он отрицал какие бы то ни было врожденные, заранее данные человеку идеи: «А человек един от урочения создается наг, безоружен, плавать неумеющий, и во всяких вещех не вещь. Немает... вещей г житию потребных, аще си их с трудом и с потом не промыслит».

Вне этой практической деятельности человек ничего не знает, «аще ся не научит»¹.

Весьма любопытно сравнение человека с животным, приводимое Крижаничем. «Немая жизина», говорит он, напротив, «имает без учителя знание оных вещей, которые суть ей потребны г житию». При этом Крижанич с изумительной глубиной уловил и все различия, выделяющие человека из остального

¹ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 1, стр. 105.

животного царства,—его «разум», способность к сознательному труду: «да ся может учить мудрости; и руки: да может изделать мудростная или уметельная дела»¹.

Развитие наук, познание «мудрости» не является, по Крижаничу, уделом лишь отдельных личностей, правителей и монархов. Течение исторического процесса определяется им как деятельность народных масс.

Государства бывают сильны, утверждает Крижанич, лишь тогда, когда их правители опираются на народ, познают «своего народа силу». Если бы, говорит он, обращаясь к прошлому славянских народов, «наши древни словенски владетели познали своего народа силу... чудеса беху были могли зделать»².

Как бы продолжая свою мысль об исторической роли славянства, Крижанич рисует собственный идеал «блаженного стречного (счастливого) и оплывающего всяком добром» государства.

¹ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 1, стр. 105, 106.

² Там же, стр. 119.

ГЛАВА III

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ЮРИЯ КРИЖАНИЧА

В своих исторических работах Крижанич обосновал объективную неизбежность славянского единства и возрождения. Теперь он переходит от отвлеченных философских построений к практическому изображению государства, в котором духовные возможности славян смогут получить свое свободное развитие, где они достигнут той высшей точки общечеловеческого прогресса, которую Крижанич обозначает известным нам уже термином «мудрость».

1.

Берясь за перо, Крижанич должен был прежде всего определить политическую структуру славянской страны будущего, установить политические формы, в которых могло бы создаться в XVII в. национальное славянское государство. Крижанич предупреждает, что это должно быть государство централизованное, где сама форма правления обеспечивала бы его «едность... а разделение да ся никако не допустит»¹.

Вместе с тем общественный строй государства должен был заключать в себе возможности для успешного проведения различных государственных реформ и улучшения жизни подданных, имея «легок способ ко поправе всяких омылков и поблудков (ошибок и заблуждений.—Б. Д.), аще бы ся в нем прилучило кое нерядие»². Основываясь на этих принципах, Крижанич перебирает несколько возможных государственных форм, как то: республика («общевладство» или «посадское владение»), олигархия («маловладство» или «болярское владение») и, наконец, полиархия (государство, раздробленное на уделы, подобное, например, средневековой Германии).

¹ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 1, стр. 65.

² «Русское государство в половине XVII в.», ч. 2, стр. 5.

Крижанич не приемлет ни одной из вышеупомянутых политических систем. Он отрицает республику, считая, что «из всеобщего владычества учинится анархия, распушта: где все людство буйствует». В равной степени не соответствует его идеалу и олигархия, «где некои немноги ухватят господство супротив законоставию, и неправедно заповедают»¹. Наиболее неправедна, однако, по мнению Крижанича, полиархия, где «никто никого не послушает, и колико есть властелей, толико тиранов»². В таких государствах положение народа бывает самым тяжелым, «там колико бояров, толико судцев и катов. Всякий сможет кмета уморить и об этом никто не спрашивает и не казнит».

В качестве наилучшей формы правления Крижанич принимает «совершенно самовладство», т. е. прочную централизованную власть, самодержавную монархию. Мы уже говорили о том, как постепенно подходит он к этому взгляду, внимательно изучая историческое прошлое славянских народов. С созданием централизованного государства Крижанич связывает крупнейший эпизод в общеславянской истории—создание Русского национального государства. В «самовладстве» Ивана IV он обнаруживал подлинное, по его мнению, начало русской национальной истории, когда завершилось объединение русских земель, а покорение поволжских и сибирских ханств окончательно избавило Русь от иноземного ига. Поэтому первый у славян исторический опыт России, сложившийся в XVI в. в централизованное многонациональное государство, лежит в основе всех рассуждений Юрия Крижанича по поводу общественного устройства будущего славянского царства.

С большой тщательностью Крижанич очерчивает образ правителя этого царства. Крижанич хочет видеть во главе славянского государства мудрого политика, превыше всего дорожащего интересами своего народа, «племенита (знатного.— Б. Д.) сердца мужа... коему бы честь народная от самого живота дража (дорога.— Б. Д.) была».

Здесь Крижанич снова как бы возвращался к идее о монархе—мудреце и философе. «Всякий разумен муж,—заявляет он,— морае (обязан.— Б. Д.) быть философ... а наипаче политик областник всякий».

Мудрость политика-философа заключается, по Крижаничу, заимствовавшему изречение Сократа, в познании самого себя.

¹ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 1, стр. 269,

² Там же, стр. 303.

В специальном рассуждении на тему «Какое политик познавает сам себе»¹ Крижанич и излагает своеобразный кодекс правителя, определяя таким образом его главные обязанности.

Государь и его приближенные прежде всего должны познать свой народ и его национальные особенности: «Образ, язык, строй, нравы и благо»;—«скудости, доброту и худобу, и все, к чему, наши люди от урочения есуть годны, или негодны».

Политик должен знать природные особенности своей страны: «природие земли наша... чем земля обилует, чесо скудна... и чтоб могла уродить и чесо не может». Эти знания необходимы правителю для успешного руководства внутренней экономической жизнью государства, чтобы «наставлять умы и руки поданников на все оно, к чему суть подны и потребны и что может к народному добру быть полезно». При этом правитель должен опираться на исторический опыт своих предшественников, помня «древний и нынешний стан народа», храня и оберегая, что в «старых владетельских заповедях добро», отбрасывая и исправляя, «что зло есть установлено».

В своих связях с другими странами он также обязан, избегая авантюры, знать «силу и слабость нашу. В чем ему мы сильней, и в чем слабеи, от сего и оного народа»; заботиться о сохранении чести и достоинства государства; «соблюдать преценбу (честь.—Б. Д.) и славу народную».

Мудрая политика правителя основывается на трезвой оценке внешнего окружения государства: «каковы наши суседи, приятели, враги: каковы силы и воли (стремления.—Б. Д.) и думы иховы». Вместе с тем, держа в секрете «тайности народа и кралества нашего», не следует и отгораживаться от опыта соседних народов. Крижанич советует изучать и перенимать все достижения, которые «нам бежу могли быть полезны».

Крижанич завершает свои мысли известным уже обращением к прошлому славян: «Да бы были наши древни словенски владетели познали своего народа силы... чудеса бежу могли сделать». Эта фраза как бы подводит итог всему сказанному выше. Правитель представляется Крижаничу слугой народа, ибо, подчеркивает он, «не бо кралества зарад (для.—Б. Д.) кралев, но кралти зарад кралеств есуть установлены»².

¹ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 1, стр. 118—120.

² Там же, стр. 5.

Правители это обыкновенные смертные («уморны люди»), и в этом смысле они ничем не отличаются от остальных людей¹. Политик, правитель мудр лишь в том случае, когда он опирается в своей деятельности на народ. Правители становятся выдающимися личностями, поднимаясь над окружающими лишь в процессе познания самого себя, участь мудрости «от добрых учителей, книг и думников»².

2

Небезынтересно сделать попытку сопоставить взгляды Крижанича с аналогичными мыслями других писателей XVI—XVII вв. и в частности Макиавелли.

Перейдя от первоначальной апологии католичества и папства к резкой критике церкви, Крижанич несомненно стоит на одном уровне с крупнейшими мыслителями XVI—XVII вв. Он все более убеждается в том, что католическая церковь, поддерживавшая раздоры между братскими народами, является одним из препятствий на пути консолидации славянства.

Попробуем сопоставить это положение, например, с такими мыслями Макиавелли, что теократия «была причиной, почему Италия не могла соединиться под одной властью, а всегда разделялась между множеством князей и владетелей, вследствие чего и подвергалась таким раздорам и была так обессилена, что готова была сделаться добычей не только могущественных варваров, но первого нападающего. Всем этим мы, итальянцы, обязаны никому другому как церкви»³.

Вспомним мысль флорентийского секретаря Коллегии десяти о том, что «ни одна страна никогда не бывала согласна и благополучна, если не соединялась вся под властью одной республики или одной монархии»⁴. Крижанич самостоятельно пришел к взгляду на «совершенное самовладство», как на наиболее благоприятную форму правления. Он считал, что национальное славянское государство могло бы создаться в то время именно в этой форме. Детальное знакомство с русской историей давало Крижаничу практическое подтверждение этой теории.

¹ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 1, стр. 106.

² Там же, стр. 107.

³ *Макиавелли*, Рассуждения о первой декаде Тита Ливия, Спб. 1869, стр. 160.

⁴ Там же, стр. 159.

Рассуждения Крижанича о преимуществе «совершенного самовладства» перед республиканским правлением, олигархией и полиархией свидетельствуют о его знакомстве с мыслями Макиавелли о формах правления в государствах, образованных туземцами, высказанными им в «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия», а также в «Князе». Крижанич здраво осмыслил то известное противоречие, которое внешне заключено в этих двух произведениях. В первом из них Макиавелли, стремясь к возрождению политических идеалов античности, признает в качестве отвлеченного идеала республиканский строй древнего Рима. В «Князе» же, где мысли Макиавелли вращаются главным образом вокруг конкретной, современной ему исторической обстановки, он, основываясь на своей давней патриотической мечте об объединении и освобождении Италии, целиком посвящает себя рассмотрению монархии, средствам ее установления и укрепления.

Далекий от каких-либо абстракций, Крижанич принимает централизованную власть как наилучшую форму правления, как тот конкретный идеал, в котором могли бы воплотиться и его собственные освободительные планы.

Правда, «Монархия,—замечает Крижанич,—хотя представляет собою лучший и вожеленнейший способ правления, соединена однакож с тою невыгодною, что легко навлекает на себя ославу тиранства»¹.

Средством, способным обезопасить народ от «людодерства», своекорыстия и мучительства тирана, Крижанич считает «доброе законоставие», т. е. идеальное законодательство, в котором выразились бы и нашли свое полное удовлетворение интересы всех без исключения сословий государства. Эти законы, обязательные для каждого правителя, будут, как представлялось Крижаничу, иметь общенародное значение, гарантируя такое положение, при котором «никакой частный человек не оказывал общественной несправедливости народу»². По мысли Крижанича подобное «доброе законодательство» и должно было держать в определенных пределах правителей, не давая им возможности склониться к тирании.

Стараясь определить при этом некие абсолютные моральные критерии, Крижанич решительно расходится с этическими

¹ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 2, стр. 44.

² Там же, стр. 21.

принципами, изложенными в несомненно известном ему сочинении Макиавелли «Князь».

Резкие выпады Крижанича, направленные против тех правителей, для которых «ничего не значит обманывать людей клятво-преступлением»¹, звучат словно отповедь автору «Князя», заявляющему, что «разумный правитель не может и не должен быть верным данному слову»².

Напротив, заявляет Крижанич, «кто однажды... поклялся что-либо соблюдать, тот твердо обязан к соблюдению, хотя бы ангел с неба стал говорить ему противное»³.

Крижанич не находил оправдания вероломству и двурушничеству ни в политических, ни в религиозных расчетах, которые могли бы заставить правителя отступить от своей клятвы. Иногда, говорит он, «сами священнослужители вводят в заблуждение сего рода, вымышляя какие-нибудь тонкие причины: «потому, де, и потому сделанная клятва более уже не обязательна, и ты, царь, можешь надежно воевать на другого, не будучи клятвопреступником»⁴.

Крижанич ссылается на то, что «так было с Владиславом Ягайловичем, королем Венгерским. Он утвердил клятвою мир с царем турецким. Явились священнослужители: «Ты не мог заключать мира с туркою без согласия прочих христиан и благословения папы; потому твоя клятва необязательна». Обольщенный, король ее нарушил и жалким образом погиб»⁵.

В этих попытках преподать правителям уроки честности, наметить некие устойчивые этические принципы трудно не заметить и своеобразной критики феодальной морали, с которой выступает Крижанич. Особенно характерно здесь признание католической церкви в качестве одной из причин, способствующих моральному падению людей. История феодальной Европы являла Крижаничу множество примеров злодейства, вероломных убийств из-за угла, освященных авторитетом церкви и окруженных поэтому ореолом справедливости. Блестящий пример тому дает хотя бы VII глава «Князя», где описываются средства, применявшиеся Цезарем Борджиа для достижения власти.

Сами отцы, с возмущением говорит Крижанич, убивают сы-

¹ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 2, стр. 239.

² Н. Макиавелли, Сочинения, т. I, Academia, 1934, стр. 287.

³ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 2, стр. 240.

⁴ Там же, стр. 239.

⁵ Там же.

новой своих, брат братьев, рассуждая при этом: «убьем его (хотя он праведен и невинен), чтобы самим не подвергнуться какой-нибудь опасности»¹.

Подобные убийства невинных людей по корыстным политическим мотивам вызвали у Крижанича гнев и возмущение. В противовес аморальной идеологии, маскирующей кровавые поступки правителей соображениями мнимой политической целесообразности, Крижанич не менее решительно выдвигает собственный тезис: «хотя бы весь мир должен был погибнуть, нельзя убивать какого-нибудь невинного человека»².

Этим своеобразным кодексом гражданской морали Крижанич как бы заканчивает характеристику идеального правителя. Кладя последние мазки на рисуемый им портрет, он, однако, не удерживается, чтобы еще раз не обратиться к политикам с назидательным призывом: «Берегитесь, властители, чтобы тонкие расчеты советников и священнослужителей не обольстили к нарушению клятвы»³.

3

Определив идеальный образ государственного правления и отдав при этом решительное предпочтение сильной централизованной власти, Юрий Крижанич приступает к описанию внутренних общественных порядков в задуманной им блаженной стране.

Теперь Крижанич выводит своего мудрого монарха, идеального правителя государства в качестве непосредственно действующего лица. По мысли автора прежний статический образ правителя должен теперь ожить, раскрывшись в государственной деятельности, изображению которой и посвящаются «Политичны думы». Литературная форма этого произведения, где рассказ ведется в первом лице, в виде «Беседы царицы с жителям всего королевства», продиктована именно желанием автора показать своего героя в действии.

Забываясь о том, чтобы «домашни подданики были рады об своем стану», правитель в этом произведении Крижанича возвещает, что собирается отменить все, что народу «претяжко быть обретаемо», и «всякому стану и ряду людей дать

¹ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 2, стр. 241.

² Там же.

³ Там же, стр. 240.

сподобные слободины: тако да все будут своим жребием и станом задовольны»¹.

Стремясь отыскать такие общественные формы в рамках современного ему строя, при которых абсолютные «Справедливость и Разум» восторжествовали бы, а люди всех состояний достигли бы счастливой «блаженной» жизни, будучи «своим жребием и станом задовольны»,—Крижанич, видимо, не до конца сознавал трудности задачи, поставленной им перед собой.

Нельзя забывать, что при всей своей необычайной эрудиции Крижанич, в силу целого ряда личных и исторических условий, собирался решить эту задачу, опираясь лишь на те конкретные представления, которые могла ему дать в XVII в. русская и западноевропейская действительность... А между тем события XVII в. представляли собой весьма резкий контраст с идеалами Юрия Крижанича. Именно в XVII в., начиная с Крестьянской войны Болотникова, протест угнетенных классов выливается в форму многочисленных городских и крестьянских восстаний. Эти, хорошо известные Крижаничу, «три тревоги нашего времени: одна Псковская (псковское восстание 1650 г.—*Б. Д.*) и две Московские (восстания в Москве 1648 и 1662 гг.—*Б. Д.*); и три измены: Поднеперская (восстание Выговского в 1658 г.—*Б. Д.*), Березовская (восстание народов Западной Сибири в 1652—1665 гг.—*Б. Д.*) и Башкирская (восстание башкир 1662—1665 гг.—*Б. Д.*)», не могли не навести его на мысль о каких-то внутренних пороках, присущих современному ему общественному укладу. Попытка обнаружить и сделать явными эти недостатки общественного строя, скрывавшиеся до сих пор от внимания государственных политиков, объективно выливаются у Крижанича в весьма любопытную критику феодального режима.

Крижаничу было ясно, что на пути к достижению общественной справедливости и всеобщего человеческого счастья стоит определенная социальная группа «людей, заразительных и обременительных для государства»², которые «ничесо добра от себе в общину не причиняют, на всех остальных притяжание стравляют»³. Таким паразитическим классом Крижанич считал аристократию—известных нам «сарданапалов», или, по другому его выражению—«лежаков», «хлебогубцев» (лодырей.—*Б. Д.*).

¹ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 1, стр. 309.

² «Русское государство в половине XVII в.», ч. 2, стр. 38.

³ Там же, стр. 63.

С большой страстностью рисует Крижанич картину этой современной ему социальной несправедливости. «Пахари возделывают землю и уготовляют хлеб: сарданапалы съедают... войны терпят стужу, раны, голод, проливают кровь: сарданапалы едят себе; порядочные знатные водят войска, сражаются, отправляют судебную должность, служат в думе царю и народу: сарданапалы едят; церковники и духовенство молят бога за грехи народа: сарданапалы кушают»¹.

Крижанич непримиримо обрушивался, как мы видим, на праздность и лень феодалов. Но крайне несбыточны, а подчас и наивны те меры, которые он выдвигает для искоренения «сарданапалов», «хлебогубцев» и вообще людей «бездельного жития». Дело в том, что историческая обусловленность мировоззрения Крижанича, не раз уже отмечавшаяся нами, не позволила ему и в данном случае направить острие своей критики в глубь классовых отношений, складывавшихся внутри феодального строя и порождавших эту потрясавшую его несправедливость. Он улавливает лишь внешнее выражение столь сложных социальных отношений и не только не помышляет о том, чтобы отнять у ненавистных ему «сарданапалов» их земельные права, но, как мы увидим далее, даже сохраняет для них крепостное состояние «тежаков» (пахарей).

В качестве спасительного средства для достижения всеобщего благоденствия Крижанич снова выдвигает известное уже нам «доброе законоставие», т. е. разумное государственное законодательство.

Крижанич ведет свою повесть от имени царя. В его уста он вкладывает и обличения общественной несправедливости и свой гнев на «сарданапалов». Будучи твердо убежден в возможности достигнуть всеобщего благоденствия путем одних лишь законодательных средств, Крижанич заставляет правителя своего государства объявить о введении нового, разумного правопорядка в стране. Новые законы, естественно, направлены прежде всего против праздных, паразитических слоев общества. Как объявляет правитель, труд становится установленной законом обязанностью всех без исключения сословий государства. «Нам самим, царю,—продолжает свою мысль Крижанич,—нельзя проводить жизни праздной, но должны мы бодрствовать денно и ночью в напряжении тягчайших царственных попечений»².

¹ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 2, стр. 26.

² Там же.

Ссылаясь на Священное писание, Крижанич заявляет, что «не рабит, да не ест»¹. Поэтому «огненные и навсегда» в государстве устанавливается в качестве вечного закона такой порядок, при котором любой, кто «к общественному народному добру» «ничем не корыстит», а в своем бездельи «иных людей пот и кровь пожирает», считается недостойным человеческого имени, немедленно объявляется врагом государства и осуждается на вечное изгнание².

Крижанич верит, что сумел отыскать верные средства к улучшению современного ему общественного уклада. Структуру своего государства он изображает на весьма любопытной таблице, уподобляя его человеческому телу: «яко тело чловеческо складается из своих видов» (членов.—*Б. Д.*). Соответственно этому он и делит общество на три группы: уды «Сохраняющи... кои добывают и кои соблюдают всякие г житию потребные вещи»; «Сохранны... кои суть сохраняющим потребны для разных причин»; и «Кужны (Вредные.—*Б. Д.*) или нездоровые»:

	Сохраняющи	Сохраняны	Кужны уды
<i>Свободники</i> (Свободные люди).	1. Боляры 2. Племяны (дворяне)	1. Церковники 2. Жены	1. Еретики и Волхвы 2. Инородники народно жувущи (поселяющиеся целым народом на чужой земле, как, например, цыгане).
	3. Вояки	3. Дети	3. Инородники торговцы, прекупцы, плачники и ины.
<i>Черняки</i> (Под тяглом живущие люди).	4. Торговцы	4. Нужны люди	4. Рассыпники (рассточители), бездельники, играчи, пьянцы.
	5. Реместники	5. Мудростны реместники	5. Лиховники и хлебодражители.
	6. Тежаки, и рабы	6. Гости неоминны (иностранные послы.— <i>Б. Д.</i>)	6. Злодейцы, яко тати, разбойники, и ост. ³

При всей очевидной искусственности подобного деления людей на общественные группы мы не можем не заметить, всматри-

¹ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 2. стр. 63.

² См. там же, стр. 38.

³ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 1, стр. 256—257.

ваясь в эту схему, явной попытки Крижанича привести свои мысли в известную систему, попробовать самостоятельно разобраться в сложных особенностях современного ему строя. За выведенными Крижаничем сословиями и, пользуясь его же терминологией, «людьми всякого стану и ряду», можно легко рассмотреть общественные классы, присущие феодальному строю.

В этом смысле наиболее интересна, конечно, первая колонка таблицы Крижанича. Здесь, правда, несколько неожиданно, в общую рубрику сведены совершенно противоположные по своему положению и по своим интересам «слободники» и «черняки». Однако в глазах Крижанича такое объединение, вероятно, имело определенное логическое обоснование. Он не случайно ставил «боляров» рядом с «тежаками» и даже рабами или тяглых посадских людей—подле «племянов» и «вояков». Ему представлялось, что, отделив в своей схеме всех полезных членов общества от паразитических, он одновременно отыскивал для них нечто общее, такое, что стояло бы выше сословных различий. Этим общим Крижанич считал открытую им функцию данных классов как «сохраняющих», т. е. в равной степени служащих «общему народному добру». При этом условия классовые и имущественные противоречия между людьми отпадали и различие бояр от крестьян или ремесленников сводилось лишь к разным средствам, которыми служит общему народному делу каждый из них.

В самом понятии этих сословий как «сохраняющих»: «кои добывают и кои соблюдают г. житию потребные вещи», как бы олицетворяется идеальный порядок, при котором человек находит в труде для блага страны своей в равной степени почетное место.

В то же время, по мысли Крижанича, этим достигалось и еще одно величайшее благо: всем подданным государства обеспечивалась подлинная свобода, при которой «все малы (бедные.— Б. Д.) и велики живут вольны и беспечальны об своем животу и об благу, и где никому несть вольно обид и злодейства чинить»¹.

Крижанич испытывал известные затруднения при определении того, в чем состоит истинная свобода. Ему прежде всего необходимо было устранить возникшее у него сомнение—насколько совместима эта свобода с апологией абсолютизма, которой он сам посвящает десятки страниц своих сочинений. Крижаничу удалось найти искомый ответ в сопоставлении двух

¹ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 2, стр. 52.

современных ему политических государственных форм—централизованной сильной монархии и феодальной раздробленности—полиархии. Ставя вопрос, где «людство сподобнее» (т. е. какая из этих двух государственных форм обеспечивала тогда наиболее благоприятное развитие государства), он отдает решительное первенство единой, централизованной власти.

Подобный аргумент Крижанич уже выдвигал однажды против «Олеарова лаяния», в высокомерии которого он помимо всего усматривал попытку привить читателю ложные представления с: свободой как о праве феодалов не подчиняться единой государственной власти подобно немецким «владельческим государям». «Такая (ложная) свобода,—говорит Крижанич,—производит то, что каждому сильному свободно притеснять слабейших и совершать все преступления, притом так, что не откуда найти правосудия... такая свобода не есть свобода, но горчайшее рабство»¹.

Крижанич противопоставляет этой ложной свободе собственную формулу: «Истинная свобода там, где жизнь и пользование благами безопасны для всех, и где никому не дозволительно совершать безнаказанно преступлений»².

Таким образом, само определение гражданской свободы сводится Крижаничем к чисто правовому понятию. По сути дела, это определение является зародышем позднейшего буржуазного требования равенства всех людей перед законом, утверждения твердых законодательных гарантий политических и имущественных прав каждого сословия.

При такой трактовке вопроса совершенно логичным становится обращение Крижанича к той политической форме, в которой могли бы в то время возникнуть подобные правовые гарантии. Ибо только централизованная власть была в состоянии тогда создать единое общегосударственное законодательство, располагая необходимыми средствами для его осуществления.

4

Попытаемся теперь сами рассмотреть «Доброе законоставие», т. е. законодательные привилегии и права, которые, по идее Крижанича, должны были гарантировать свободное существование всем подданным государства.

¹ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 2, стр. 41.

² Там же, стр. 46.

Начнем с главного сословия—крестьянства, которое «есть всему богатству корень и основание»¹.

В феодальной стране крестьянство было основным производительным классом, на труде которого базировалось экономическое благополучие всего общества.

«Тежак,—указывает Крижанич,—бо кормит и богатит и себе, и ремесника, и торговца, и боярина, и краля»².

Связь взглядов Крижанича с конкретной обстановкой Русского государства XVII в. становится особенно тесной именно в трактовке этого вопроса. Читатель «Политичных дум» явственно ощущает переживания Крижанича, который постоянно видит перед собой—в качестве известного прообраза—русского крестьянина XVII в., неустанно изучает его политическое и экономическое состояние. В этом смысле Юрий Крижанич должен был прежде всего определить свое отношение к двум явлениям современной ему жизни: к крепостному праву (получившему тогда законодательное оформление в тех главах «Уложения», где фиксировались права землевладельцев на крестьян); и к бурно развивавшейся—и очевидной для Крижанича—феодальной эксплуатации, когда черняки, по его словам, «едва дышать возмогут и сам живот им омерзееет».

Крижанич нигде не выразил своего прямого отношения к крепостному праву. Все его рассуждения о положении «тежаков» и «селянов» крайне туманны. Однако по смыслу некоторых высказываний Крижанича можно заключить, что он не только принимал, но считал нужным сохранять этот институт, вполне сложившийся к его времени. Перечисляя, например, различные категории тяглового населения, Крижанич для крестьян устанавливал деление по сословному признаку: их владельцев. Так, он говорит о «кметах наших королевских сел, церковных, боярских, княжеских, властельских и пр.». Высказываясь в пользу обучения крестьянских детей ремеслам, он предусматривал для них возможность выкупа: «откуповать ся от господаря»³.

Наконец, Крижанич неоднократно подчеркивает права землевладельцев на присвоение результатов крестьянского труда. Он настойчиво указывает также на обязанности крестьян кормить высшие сословия государства.

¹ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 1, стр. 41.

² Там же.

³ Там же, стр. 32.

Не отвергая, таким образом, крепостничества, Крижанич, тем не менее, считал нужным внести в него существенные коррективы. Он и здесь следует своему неизменному принципу равенства всех людей перед законом. Он изымает крестьянство из юрисдикции землевладельцев, подчиняя его общегосударственным судебным учреждениям и единому общему законодательству.

Крижанич сурово осуждает порядок, при котором земледельцы подвергаются со стороны военного и знатного сословия безнаказанным притеснениям, грабежам и побоям: «и в судилища не бывают они выслушаны, и правосилие не снискивают».

Крижанич предусматривал, что в его государстве будут «судилища (приказы) открыты для всех: правосудие для всех есть общее наследие (отчина). Как самый высокий, так и самый низкий, все равно бывают выслушаны и снискивают правосудие»¹.

Подобная постановка вопроса смело и решительно разрывала с практикой того времени, когда средоточие судебно-полицейской власти в руках землевладельцев являлось одним из существенных элементов крепостного права.

Вместе с тем Крижанич выражает свое отрицательное отношение к тяжелому экономическому положению, весьма характерному для крестьянства XVII в. Предусматриваемое им изъятие «тежаков» из поместно-вотчинной юрисдикции было попыткой ограничить феодальную эксплуатацию, ввести ее в «разумные» пределы. При этом Крижанич апеллирует к интересам феодалов и, прежде всего, к интересам царя. Он думает, что между богатством крестьянина и богатством правящего класса существует прямая зависимость. «Где убого королевство,—пишет он,— убог король, богато королевство, богат король».

Г. В. Плеханов отмечает идеализм этой формулы, говоря, что «впоследствии теорема: «бедность трудящейся массы обуславливает собой бедность страны»: перестала соответствовать экономической действительности. Социалисты справедливо говорили, что материальное положение трудящейся массы хуже всего как раз в богатых странах»².

Те общие принципы, которые, по мнению Крижанича, должны были лежать в основе правительственной политики, сводились, как можно судить, к двум главным положениям: во-первых, правительство принимает на себя регламентацию феодальных повинностей (наблюдая за тем, чтобы они произвольно не

¹ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 2, стр. 47.

² Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XX, стр. 291.

превышались землевладельцами), во-вторых, центральная власть всячески поощряет развитие крестьянских хозяйств, «чинит всякий способ и помощь, к оправлянию иховых промыслов»¹.

Крижанич многократно подчеркивает, что не следует «даней и тягот черныяческих тако возможность: дабы ся учинило престание от тяжания...» Однако он не определяет ни размеров, ни формы крестьянских повинностей. Право повышать крестьянские повинности Крижанич сохранял за правительством лишь в чрезвычайных случаях.

В трактате «Об благу» раздел «Тежачество» представляет собою исключительный интерес как памятник русской экономической мысли. Мы, однако, рассматриваем из этого трактата лишь то, что характерно для политических взглядов Крижанича.

Для поощрения земледелия правительство в феодальном государстве Крижанича принимало ряд мер. Прежде всего по всей стране учинялись специальные должности уездных «углядников» или «державников», которым вменялось в обязанность специально изучать местные условия своих уездов, «где ся буйно родит, либо родиться может кое жито, зелье, дровье, или былье; якоже лен, конопля, хмель, мед, главатица (чеснок.—Б. Д.), лук и иное; либо где ся буйно плодят овцы, кони, волю, прасцы (свины.—Б. Д.), рыбы»².

«Углядники», своеобразные предшественники современных агрономов, должны были «учинить тежаком и жителем заповедь», т. е. давать указания, как в тех или иных условиях вести хозяйство с наибольшей выгодой, «да беху могли много продать»³.

Кроме специальных должностных лиц роль заботливых крестьянских советчиков должны были играть и сами землевладельцы («домовны господари»). По мнению Крижанича, они сами должны были стать хорошими знатоками сельского хозяйства. Это были далеко не те помещики, которых Крижанич воочию наблюдал в России. По признанию Крижанича, русский помещик «в господарстве состаревает и умирает; а многих корыстных земельных урожаяев... не знадут»⁴.

Крижанич предусматривает издание правительством «добрых книг» для землевладельцев, где рассматривались бы принципы рационального ведения хозяйства. Он перечисляет литературу,

¹ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 1, стр. 260.

² Там же, стр. 44.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 43.

где землевладельцы смогли бы найти необходимые советы «об тежанию поля, и оградов, и како ся имают схранять и уживать всяки земельны овощи»¹.

Предметом специального правительственного попечения должно было явиться также снабжение тежаков сельскохозяйственными орудиями. В идеальном государстве Крижанича крестьяне сами должны были обладать всеми необходимыми средствами для обработки полей. Этим он избавлял крестьян еще от одной формы зависимости от землевладельцев.

Крижанич отчетливо видел недостатки рутинной техники современного ему крестьянского хозяйства, отмечая, что «тежаки бо наши посудия (предметы домашнего обихода.—Б. Д.) и орудия или немают с потребу, или нечисто, тупо, некорыстно, нестройно, непригодно оно имают»². Вот почему уже известные нам «державники» должны были, кроме исполнения своих агрономических функций, держать лавки и продавать от имени правительства «без прибыли, по указной цене, верно и по весу»³ всякое орудие «кметское» (крестьянское.—Б. Д.).

Для тех крестьян, которые не смогли бы сразу оплатить купленный ими инвентарь, правительство допускало внесение платы «со временем», т. е. правительственный кредит, рассрочку.

Близко к крестьянам по своему положению в государстве стояла вторая группа «черняков»—посадники. Под этим термином Крижанич объединял два слоя городского населения—ремесленников и торговцев.

Развитие ремесл Крижанич считал одним из важнейших условий процветания своего государства. Он намечал почти те же меры защиты посадских людей, которые предлагал ввести и по отношению к сельскому населению. Крижанич подчинял этих людей общегосударственным законам, предусматривал регламентацию податей и пр. Различие этих мероприятий сводилось лишь к тому, что в данном случае Крижанич пытался оградить своих «черняков» уже не от власти землевладельцев, а от воеводского произвола. Одно время у него даже мелькнула мысль разработать собственный проект местного городского управления. К сожалению, он не довел этой мысли до конца в силу каких-то неизвестных нам причин, оставив лишь небольшой, но весьма интересный набросок подобного проекта.

¹ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 1, стр. 43—44.

² Там же, стр. 50.

³ Там же.

Вероятно, Крижанич, исходя из структуры местного управления русского государства XVII в., хотел достичь известной активизации тех земских учреждений, установленных еще в XVI веке, которые продолжали существовать, правда, в полном подчинении у воевод. Во главе городского управления Крижанич, как можно думать, восстанавливая ход его рассуждений, ставил двух лиц. В одних городах, видимо наиболее крупных, они назывались «назоры» и «лавники», в других, меньших, — «думники» и «бирючи». При этом «назоры» назначались правительственной властью «из боярского рода». Должность лавника была избираемой. Ее, по словам Крижанича, «да творят сами посадники»: В меньших городах «думник» и «бирюч» избирались из ряда посадского, т. е. из числа самих черняков. Кроме них выборными были городской писарь и городской судья. В решении важных судебных дел предусматривалась, повидимому, какая-то коллегиальность, поскольку «суды да судят по числу гласов».

Конечно, самыми интересными и, к сожалению, самыми нерасшифрованными у Крижанича являются функции «назора» и «лавника», а также соответствующие им в других местах функции «думника» и «бирюча». Если назначение «назоров» правительственной властью проливает некоторый свет на их положение, как на представителей царской администрации, то обязанности выборных лиц остаются вообще неясными.

Как нам кажется, в лавниках можно скорее всего узнать земских старост. Их функции несколько видоизменены против общепринятого тогда порядка. Это изменение, вероятно, сводилось к ограничению компетенции лавников непосредственно пределами города и ведением исключительно торговых дел. В пользу данного предположения говорят не только сами термины: «лавник» или «бирюч» (слова явно «торгового» происхождения), но и то обстоятельство, что ремесленная часть посада образовывала в городе самостоятельную организацию.

Для управления уездом Крижанич назначает «жупанов» (воевод). Для организации ремесленников Крижанич предусматривал совершенно новую тогда для русского города форму (в действительности она появилась у нас лишь 40—50 лет спустя, с изданием в 1721 г. петровского «Устава Главного магистрата»). Крижанич объединял ремесленников в цехи, обозначавшиеся у него термином «дружинь». Во главе дружин, в качестве цеховых старост, стояли специальные «назорники».

В устройстве цехов Крижанич почти целиком следовал за теми образцами, которые давали ему города Западной Европы.

Он наделял цеховых старост правом «судить между собою распри к ремеслу пристоящие». Внутри цехов у него совершенно четко определяются две группы: мастера («майсторы») и подмастерья («ученики»). Последние обязывались «учение свое докончать у едного учителя: и служить му даром два, три или вяще годов»¹.

Для молодых мастеров Крижанич предусматривал, как это прежде бывало в обычае, путешествие по различным городам государства: «Да увидит и да искусит знание множих иных майсторов».

Любопытны те меры, которые намечались Крижаничем для привлечения молодых людей к изучению ремесл. Он предоставлял крепостным крестьянам, имеющим «два или множе сынов», право «слободно» (т. е. независимо от воли помещика) отдать одного из них «на учение коего мудрого ремесства». При этом если «совершенно и преизящно научит такова мудрого ремесства», крестьянин становился свободным. Однако «ащели ся не научит изящно: да будет повинен или остатъ в работе, или откуповать ся от господаря»².

5

Определенные следы исканий носят на себе и рассуждения Крижанича по поводу еще одной категории «черняжков» — «купецких людей». Здесь как бы столкнулись Крижанич-экономист и Крижанич-политик.

В качестве политика он относил купеческий капитал, твердо следуя своему принципу социальной справедливости, к разряду «неправедно добытых пожитков».

«Або торговцы,—возмущается Крижанич,—нить руками не рабят, нить глав своих не полагают за народ, нить крови нить пота не проливают»³. В своем негодовании Крижанич уподобляет купцов уже знакомым нам «хлебогубцам» и «лежакам». Наравне с этими вредными членами общества купцы также «бездельны питают свое торбухи, и разкошей уживают, и людей лихвами да обманми изобижают, и сподобны суть некоем общим кобылицам (саранче.—Б. Д.), объядаящим землю»⁴.

¹ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 1, стр. 31.

² Там же, стр. 32.

³ Там же, стр. 261.

⁴ Там же.

Крижанич считал необходимым принять чрезвычайно радикальные и крутые меры, направленные против торгового капитала. Он полагал, что в государстве, основанном на разуме, справедливости и всеобщем полезном труде, не должно быть места купеческому сословию. Поэтому Крижанич упразднял купечество, а лихом добытые «всяческие торговческие корысти» считал подлежащими отписанию «на господаря», т. е. на правительство. Во всей стране торговля становилась монопольным правом верховной власти.

Крижанич вовсе не собирался таким путем отыскивать новые средства для пополнения государственной казны. Ему представлялось, что передача торговли в руки правительства принесет существенное облегчение народу, так как оградит его от купеческого лихоимства («лакомости») и алчности.

О том, как выглядела эта торговля в представлении Крижанича, можно судить, например, по описанию известных уже нам правительственных лавок, где орудия сельского хозяйства должны были продаваться крестьянам «без прибыли по указанной цене» и даже в кредит. При этом Крижанич руководствуется общественными, а отнюдь не царскими интересами. Стараясь рассеять возможные сомнения в справедливости и законности подобного мероприятия, он указывает: «аще ся все ины станы радуют (радуются люди всех сословий.—Б. Д.)... аще едины торговцы тужат... Луче есть общее добро, неже корысть неколиких осебуйных людей»¹.

Однако трезвый расчет экономиста, видимо, скоро одержал у Крижанича верх над его чувствами. Вероятно, ему и самому стала ясна несообразность данного утопического проекта с общим строем феодального государства. В трактате «Об благу», где Крижанич преимущественно выступает перед нами в качестве писателя-экономиста, он уже почти целиком расстаётся с этой утопией.

В специальной главе «Об торговству» Крижанич уже не говорит о паразитическом характере всего купечества в целом, но выделяет лишь два разряда торговли, подлежащие запрету: «житну перекупку» и «хлебное дражение», т. е. перекупку хлеба и искусственное поднятие цен на него. Занимающиеся этим промыслом «житны прекупцы и хлебны дражителю да будут казнены без всякого пощадения»².

¹ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 1, стр. 262.

² Там же, стр. 22.

Остальные торговые промыслы теперь не только допускаются Крижаничем, но и подлежат с его точки зрения всяческому поощрению. Для облегчения внутренней торговли в государстве он устанавливает единые меры длины и веса, учреждает должность правительственного «мерника»¹, запрещает взимание внутренних таможенных сборов. В крупных городах, говорит Крижанич, каждой зимой должны устраиваться ярмарки².

Для увеличения оборотного капитала он допускает образование своего рода акционерных компаний, куда всякий мог бы внести «своих пенязь», а в дальнейшем получить дивиденды, «корысть от них: от ста рублей, еден рубель, или полтора, или два на год»³.

Расставшись с идеей о царской торговой монополии, Крижанич, тем не менее, не покидал мысли о целесообразности правительственной регламентации рыночных цен. Понимая, что простое введение сверху твердых, «справедливых» цен было бы практически осуществимо, он считал нужным организовать специальные казенные лавки, где товары продавались бы «наидешевлею ценою» и таким способом могли бы влиять на рыночную конъюнктуру⁴.

Крижанич считал нужным принять некоторые меры к урезыванию купеческих доходов. Вместе с тем, в интересах отечественной торговли, он намечал такие проекты, которые с лихвой окупали все эти ограничения. Так, например, в качестве «вечного законодателя» он определял, чтобы «ни един инородник торговец, откупник, или оправник, в сем царстве не будет могел держать пребывалища, ни склада, ни лавы: нити приходить в никаковые грады»⁵.

Это «запертие рубежов», повторяемое Крижаничем во множестве различных вариантов, между прочим, давало ученым повод для различных произвольных толкований. Уже П. А. Безсонов—один из первых исследователей трудов Крижанича—считал возможным говорить в связи с этим о «доходящем до кйтайской исключительности» стремлении Крижанича замкнуть свое государство в себе самом, отрешиться от всякого общения с другими народами.

¹ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 1, стр. 20.

² См. там же, стр. 19.

³ Там же, стр. 27.

⁴ Там же, стр. 22.

⁵ Там же, стр. 24.

П. Н. Милюков¹, опираясь на те же мысли, объявлял Крижанича родоначальником русского национализма в позднейшем, современном понятии этого слова.

В действительности это было далеко не так. «Гостегонство», провозглашенное Крижаничем, диктовалось отнюдь не его национальной ограниченностью или стремлением резко отмахнуться от культурного опыта соседних народов, противопоставить славян, в частности русских, другим европейским народам, как это истолковывает П. Н. Милюков. В основе политики «гостегонства» лежали преимущественно экономические мотивы. Это была система взглядов, вообще близкая к меркантилизму. При чем Крижанич именно в проповеди «гостегонства» был ближе всего к конкретной обстановке русского государства XVII в. Московские торговые люди обращались в своих челобитных правительству с совершенно аналогичными требованиями: оградить национальную торговлю и промышленность от конкуренции иностранных купцов.

Характерно, что подобные требования поступали еще задолго до приезда самого Крижанича на Русь. В этом смысле его меркантилизм был отражением совершенно реальных взглядов и требований русского купечества. Об этом достаточно убедительно свидетельствуют челобитья московских торговых людей 1627, 1646 и 1649 гг., торговая «Уставная грамота» 1654 г. и особенно «Новоторговый устав» 1667 г. Здесь принципы, регламентирующие иностранную торговлю, почти полностью совпадают с аналогичными мероприятиями Юрия Крижанича.

Наряду с чисто экономическими причинами Крижанич имел совершенно четко сложившиеся политические взгляды, побуждавшие его требовать всемерной борьбы с проникновением иностранцев, и прежде всего немцев, в славянское государство. История славянских народов изобиловала примерами, говорившими о том, что проникновение немецких колонистов—крестьян, купцов и ремесленников—неизменно подготавливало почву для дальнейшего вооруженного захвата независимых княжеств. Немцы, говорит Крижанич, «явившись сперва «гостями», сотворяют себе господами». Особенно разительный пример являла собою в данном случае польская Силезия, где «мирное» проникновение немецких поселенцев привело к онемечиванию целой славянской области и к вытеснению из городов и сел коренного польского населения.

¹ См. П. Милюков, «Очерки по истории русской культуры», ч. 3, вып. I, Спб. 1909.

Поэтому не только в интересах экономического процветания, но и в целях упрочения независимости и внешней безопасности своего государства Крижанич объявлял, что «никто из иностранцев не мог от нас или от наших преемников приобрести право на русскую народность или туземство».

Представители любого славянского народа составляли, конечно, исключение из данного правила. Для них, наравне с коренным населением, были открыты пути и к ремеслам и к занятию торговлей. Однако каждый такой пришелец должен был доказать, что он «по происхождению есть серб, болгарин, лях или чех»¹.

6

Чтобы закончить рассмотрение положения посадского населения, необходимо ближе познакомиться еще с одним разрядом городских людей. Мы имеем в виду «тружеников мудрости», или «мудростных уметельников», «кои делают мудростные дела»² или вообще благо всему народу.

Это была именно та славянская национальная интеллигенция, созданию которой в захваченных немцами странах препятствовало иноземное господство и которая теперь, в независимой славянской стране, получала, наконец, все необходимое для своего свободного развития.

Люди умственного труда—вот непосредственные «труженики мудрости». Им принадлежит главная роль в качестве двигателей прогресса государства и народа. Этим и определяет Крижанич почетное место интеллигенции среди людей «всякого стану и ряду», «або без них (уметельников) люди жить не могут».

Интеллигентные профессии, о которых говорит Крижанич, довольно многочисленны. Во всяком случае они, при тогдашнем уровне развития производительных сил, должны были обеспечить специально обученными кадрами почти все участки экономической и культурной жизни государства. Эмпирические знания были здесь представлены: специалистами литейного дела («рудолейцами»), «кои зливают звоны и пушки», военными инженерами, занимавшимися усовершенствованием «ратного орудия», врачами и землемерами; арифметике учат «численные уметели»; астрономы «считают звездное течение и времена».

Гуманитарные науки представляли философы, которые «раз-

¹ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 2, стр. 75.

² Там же, ч. 1, стр. 258.

говаривают об правовом учении (этике.—Б. Д.), об политике, или об владетельских думках»; грамматики, которые «учат языка и писма; пишут речила» (словари.—Б. Д.); а также историки, которые «пишут вестины»¹.

Разрабатывая проблему создания отечественной интеллигенции, Крижанич занимается всей совокупностью вопроса о постановке образования в своем государстве. Он считает нужным разграничить гуманитарное, своего рода «классическое» образование от «трудовых», по его определению, реальных наук.

Для этого Крижанич учреждает школы различных типов. В юдних школах юношество обучалось «языка греческого и латинского: для ради разумения народных повестей» (исторических сочинений.—Б. Д.), философии и политики. Здесь государство готовило политиков, философов и историков. В других учебных заведениях молодежь обучалась «неплеменитых науков»: «численицы, звездочетия, землемерия и врачества».

Крижанич не смог избежать сословных ограничений в определении права отдельных членов общества избирать ту или иную форму образования для своих детей. Гуманитарные школы отводились у него «княжеским и властельским сынам». Не все посадские люди и даже «болярские сыны» (дети дворян.—Б. Д.) могли поступать туда. Исключения делались лишь в том случае, когда государству спешно требовалось преподать общественные науки большому количеству молодых людей.

Зато прикладные знания являлись всеобщим достоянием. В школу «не болярских науков» имели свободный доступ и посадские, и «убожья болярские сыны» (дети обедневших дворян.—Б. Д.). Таким образом, представители всех сословий (кроме крестьян) могли стать врачами, астрономами, математиками, землемерами.

Для вступления в купечество Крижанич также намечает некий, хотя и минимальный, образовательный ценз. Лиц неграмотных он вовсе лишает права держать лавку.

Поднимаясь вслед за Крижаничем по ступеням феодальной иерархической лестницы, где «боляры (дворяне.—Б. Д.) пред черняками: властели пред болярами: князи пред властельми: да имают некое предпочтение»²,—мы подходим, наконец, к рассмотрению положения высших правящих классов славянского государства.

¹ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 1, стр. 258.

² Там же, стр. 319.

Нам уже известен принципиальный взгляд на общественное положение «племенито стана людей», как именуются Крижаничем высшие феодальные сословия. Он изложен там, где Крижанич, нападая на паразитическое существование и праздное времяпрепровождение феодальной знати и аристократов, критикуя их дармоедство и «хлебогубство», противопоставляет им установленную законом обязанность вести честную трудовую жизнь.

Теперь перед Крижаничем стояла едва ли не самая трудная задача: выбрать и сформулировать конкретные обязанности, в которых должна была выражаться общепользная служба князей, бояр и дворян. Эта задача осложнялась противоречивостью предпосылок, заложенных в предыдущих рассуждениях Крижанича.

Крижанич понимал социальную несправедливость современного ему строя. Он видел очевидную «несправедливость» праздного существования различных «сарданапалов» и «лежаков» подле тружеников «черняков». Отсюда и вытекала его исключительно яркая мысль о всеобщем труде как об основе социальной справедливости. Формулируя эту мысль, Крижанич идет значительно дальше передовых людей своего времени и протягивает руку позднейшим социалистическим теориям. Однако, создавая, вылепывая свое государство из того материала, который могла ему дать реальная обстановка феодальной Европы XVII в., он, видимо сам того не замечая, сохранял и феодальное землевладение, и обязанность тежака кормить своего господина—словом, все то, что как раз и являлось практическим выражением этой социальной несправедливости.

Задача Крижанича затруднялась и тем, что сам состав «племенита стана людей» был весьма неоднороден. Этот обобщающий и как бы примиряющий термин по сути дела включал в себя крайне противоречивые интересы двух феодальных групп—боярства и дворянства, борющихся между собою на протяжении всего XVII в.

Крижаничу удавалось сравнительно легко обходить подводные рифы в рассуждениях по поводу сельского и городского населения. В глазах Крижанича положение этих трудовых людей сближалось их «черняческим», т. е. тягловым, состоянием. Подобная общность позволяла ему—подчас весьма решительно—поднимать свой голос в защиту народных масс—тежаков и ремесленников, намечать правовые гарантии их личного и имущественного положения, искать средства для ограждения их прав от произвола землевладельцев и администраторов.

Но в данном случае ему предстояло выступить не с защитой неоспоримых для него прав земледельческих классов, а с разъяснением их обязанностей перед государством. Крижанич должен был выдвинуть здесь какую-то положительную программу общепольной деятельности этих классов «ко общему народному добру». А это вело бы его, если бы только он мог оставаться последовательным, как раз к обратному явлению: к необходимости отрицать прежде всего феодальные права и привилегии этих классов.

Поэтому Крижанич менее всего последователен в обрисовке высших групп своего общества. Здесь его мысли словно теряют сразу всю свою полемическую остроту. В этом смысле специальная глава «Об троих племенных станех» и другие главы, где он касается данной темы, являются самыми бледными разделами «Политичных дум». Там Крижанич уже не стремится заглянуть вперед, а лишь бесстрастно фиксирует политический порядок Русского государства, почти не видоизменяя его. При этом он не всегда затрагивает даже современные ему порядки, а часто останавливается на характеристике положения феодальной знати в половине XVI в.

Это вынужденное возвращение к прошлому потребовалось Крижаничу в силу чисто формальных причин. Различая две главные феодальные группы—«имениты бояры» (бояре и князья) и «племяны» (дворяне), он, как это ни странно, прошел мимо реально сложившегося (во второй половине XVII в.) соотношения этих землевладельческих групп, когда политические позиции боярства оказались в значительной мере поколебленными усиливавшимися служилыми сословиями.

Не приняв ни сторону боярства, ни сторону дворянства, Крижанич занял промежуточную позицию. Подобный выход из положения, безусловно, является для него неожиданным, особенно если припомнить предыдущее—резко отрицательное—отношение Крижанича к феодальной знати.

Определение служебных обязанностей боярства Крижанич сводит к простой фиксации порядков Русского государства в XVII в., когда бояре и князья заседали в Думе, предводительствовали войсками, чинили суд, посылались царем в города и уезды для правления. В последнем, между прочим, Крижанич как бы восстанавливал порядки прошлого столетия, при которых на места назначались «властели». Единственное ограничение, которое он ввел для знатных бояр,—это запрещение передачи их должностей по наследству. Но это ограничение, по сути дела, уже

не являлось чем-то новым для Руси, так как случаи наследования власти местными правителями были уже в XVI в. чрезвычайно редким явлением.

Требуя, чтобы «верстец верста» не мог держать у себя в подчинении, Крижанич сохранял в силе то «братоненавистное и любовь отгоняемое местничество», которое через несколько лет (в 1682 г.) было уничтожено правительством.

Любопытно отметить, что Крижанич, в интересах охраны боярства от возможного оскудения, вводил тот же самый порядок наследования вотчин, который впоследствии был установлен для дворянских имений петровским указом о единонаследии. Пытаясь избежать дробления недвижимого имущества, Крижанич определял, что после смерти боярина «един старший князевич примет имя княжеское, и вся целые отчины и имания своего отца»¹. Младшие братья обязывались поступать на царскую службу «до концы ся выслужат како бы и сами смогли именитыми повстать».

В положение дворянства Крижанич не вносил почти ничего, что не было бы уже закреплено государственной практикой того времени. Дворяне обязывались перед царем нести военную службу, за что жаловались поместьями. Владение землей составляло монопольное право дворянства и боярства. Посадские люди лишались таких прав. Они располагали лишь ограниченной площадью выгонов вблизи городских стен, которые могли принадлежать посадской общине. Дворяне не могли быть никем принимаемы в холопство, «племенита человека никто да не дерзнет закабалить в хлапство»². Это, впрочем, также лишь фиксировало порядок, установленный на Руси еще 81-й статьей Судебника 1550 г.: «...детей боярских служивых и их детей, которые не служивали, в холопи не приимати никому»³.

Одновременно все «племениты люди» разрешались от «хлопско́го ряда». Это едва ли не самая интересная мысль в данном произведении Крижанича. Он вносит здесь принципиальное изменение в тогдашний взгляд на государственную службу как на частное дело по отношению к царю. Отрешение от холопства выражалось у Крижанича преимущественно во внешних формах. Бояре и дворяне больше не должны были называться уменьшительными именами («Борко», «Владко»), но целыми име-

¹ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 1, стр. 322.

² Там же, стр. 319.

³ *Владимирский-Буданов*, Хрестоматия по истории русского права, изд. 4-е, вып. II, Спб. 1901, стр. 168.

нами («Борис», «Владимир») ¹. Отменялся такой, истари сложившийся формуляр обращения к царю, как «битие челом». «Да никто отселе,—заявляет Крижанич,—ни пред кем земли чело не бьет» ².

Дворянство освобождалось от телесных наказаний, «от кнутья, от батожья, и от остудного кажнения (позорного наказания.— Б. Д.), яково есть пятнание; носа, ушес, рук отрезание» ³.

Не внося крупных изменений в политическое и экономическое положение феодальных классов, Крижанич уделяет большое внимание внешнему оформлению того высокого положения, которое он отводит боярам и дворянам. Считая недостаточными современные ему обычаи придворного этикета, он подробно разрабатывает собственный пышный этикет. Крижанич вводит специальное одеяние, благодаря которому знатные классы выделяются из «прочего люда». Так, например, для князей он придумал роскошные мантии и шапки «чернолисиные и соболиные напядь высокие клобуки». Властели и военачальники, кроме того, должны были получать специальные отличительные знаки: «три жерьявинья бела пера» на шляпе. Являясь ко двору, боярин должен был въезжать в столицу в сопровождении трубачей, громогласно возвещавших о его прибытии. Впереди боярской свиты должны были шествовать герольды, несшие щиты с учреждаемыми в государстве фамильными гербами ⁴.

7

Так, незаметно для себя самого, Крижанич, по сути дела, возвеличил тех же «сарданапалов», против которых он только что обрушивался со всей непримиримой страстью своего полемического темперамента. Впрочем, субъективно тут не было резкого алогизма. Крижанич сам не видел, насколько разношерстны были нити, из которых он сплетал свой узор. Отмечавшаяся уже нами противоречивость его предпосылок в рассуждениях о высших феодальных сословиях характерна для всего общественно-политического миропонимания Крижанича.

Пытаясь самостоятельно найти наиболее удачные общественно-экономические формы проектируемого им национального славянского государства, Крижанич своеобразно интерпретировал

¹ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 1, стр. 316.

² Там же, стр. 317.

³ Там же, стр. 318.

⁴ См. там же, стр. 320.

многие положения из теоретического арсенала ранних буржуазных социально-экономических учений. Так, на взглядах Крижанича, несомненно, отразилось учение Макиавелли, которое было идеологическим обоснованием политических и национальных требований, с которыми в XVI в. выступала буржуазия итальянских городов. Теоретические положения Макиавелли—при всей их необычайной глубине—были, конечно, весьма искусственно притянутой теоретической предпосылкой для задач, непосредственно ставившихся Крижаничем. Он переносил их в совершенно иную историческую обстановку—в феодальные государства, еще не шагнувшие в своем первоначальном капиталистическом развитии так далеко, как ушли в то время города Италии.

Поэтому мысли Макиавелли и Крижанича, почти совпадающие в их нападках против феодального режима (и, по всей вероятности, высказанные Крижаничем не без влияния сочинений Макиавелли: «Князь» и «История Флоренции»), имеют, тем не менее, совершенно различное внутреннее значение. Макиавелли четко изложил определенную политическую и национальную программу нового, развивающегося класса. У Крижанича те же положения утратили свою классовую определенность, обращаясь в отвлеченные этические принципы, в поиски идеальных юридических и правовых норм, якобы могущих улучшить феодальный строй, все же остававшийся незыблемым в его глазах.

И однако знакомство Крижанича с западноевропейскими политическими теориями, при всей—совершенно неизбежной, кстати сказать,—непоследовательности, с которой пытался он применить их к реальной исторической обстановке, имело огромное положительное значение в формировании его мировоззрения.

Прежде всего он мог, опираясь на теоретическое богатство данных учений, несомненно передовых для той эпохи,—предпринять свою «экскурсию в будущее», необычайно деятельно разработать идеал утопического славянского государства, где творческие силы славянских народов, свободные от гнета иноземных завоевателей, получили бы возможность всестороннего развития.

Уже самое желание Крижанича послужить «общему благу народа словенского» отводит его утопии прочное и самостоятельное место в истории формирования патриотических идеалов славянства.

Утопия Крижанича содержит массу необычайно ярких и глубоких идей, значительно опережающих свое время. Нарисованный Крижаничем портрет правителя славянского государства,

мудрого и благородного вождя своего народа, бесспорно, одно из самых блестящих мест «Политичных дум». В этом образе воплощено немало прекрасных общечеловеческих черт, которые близко подводят Крижанича к правильному пониманию сложнейшего философского вопроса о роли выдающихся личностей в исторических судьбах народов.

Мучительные поиски справедливого общественного строя при всей их обусловленности позволили Крижаничу во многом подняться над господствующей тогда идеологией. Крижанич блестяще формулирует свою догадку о всеобщей обязанности трудиться, как об единственной основе переустройства общества; о труде как об основе всякого богатства: «всякий адда добыток обстоялен имаеет основатися на труду и на поту»¹.

Вместе с тем внимание всех занимающихся развитием русской общественной мысли привлекает в сочинениях Крижанича его тесная, отмечавшаяся уже нами, близость к конкретной исторической обстановке Русского государства. Крижанич постоянно помнил о почетной роли, которую он отводил в своей исторической схеме русскому народу, как одному из крупнейших славянских народов.

В идеальном государстве Крижанича можно угадать Россию, как бы перестроенную в соответствии с его прогрессивной программой, в соответствии с теми передовыми, освободительными идеями, которые он страстно развивал перед московскими государственными деятелями.

Это подводит нас к чрезвычайно интересной, но и весьма трудно разрешимой задаче—попытаться хотя бы отчасти проследить исторические судьбы идей Крижанича в России.

* * *

Жизнь Юрия Крижанича в Москве сложилась несколько неудачно. В 1661 г. он по причинам, до сих пор остающимся неясными, был удален от двора и отправлен на жительство в Тобольск. Здесь он получил указание «быть у государевых дел, которые пристойно», и занимался преимущественно литературной деятельностью, не переставая, однако, напоминать царю о себе в своих челобитных.

Неудача, постигшая Крижанича в Москве, в дальнейшем сказалась и на его взглядах. Во второй половине 70-х годов он

¹ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 1, стр. 5.

снова начинает увлекаться богословием. В это время Крижанич пишет такие произведения, как «О промысле» и «Толкование исторических пророчеств». Духовно надломленный, он, надо думать, искал примирения и с Конгрегацией. Возвратившись из Тобольска в Москву в 1676 г., он сразу же начал хлопотать об отъезде в Рим. В 1677 г. Крижанич выехал из Москвы и, судя по некоторым сведениям, умер во время осады Вены войсками Собеского в 1682 г.

Нельзя сказать, что идеи Крижанича не возбудили никакого интереса у современников. Правда, сведения, сохранившиеся об этом, особенно бедны и отрывочны.

Приехав в Москву с огромным запасом ученых знаний и с собственной политической программой, Крижанич, естественно, искал отклика на свои взгляды среди влиятельных русских политиков. Ему удалось познакомиться с Борисом Ивановичем Морозовым, Ф. М. Ртищевым, А. Л. Ордин-Нащекиным. С Артамоном Сергеевичем Матвеевым он, как мы помним, познакомился еще на Украине.

Это широкое знакомство вводило Крижанича в круг, в котором вращались почти все главные государственные деятели Руси той эпохи. Можно предполагать, что в беседах с ними Крижанич особенно широко и подробно развертывал свои планы, выдвигая различные преобразовательные проекты. Вероятно, эти люди в большой степени были обязаны Крижаничу своим знакомством с западными государственными порядками, западной культурой и пр. Он был первым, например, кто познакомил («обвестил») русских политиков с книгами, касающимися Русского государства, вышедшими за границу. Так Морозова и Ртищева Крижанич познакомил с сочинением Адама Олеария Голштинского, «посольского диака», с его многочисленными «злыми клеветами»¹. Взгляды Крижанича на эту книгу, видимо, разделяли и его собеседники, ибо они одобрили его желание перевести и разобрать сочинение Олеария. «И покойны, и боярин, и окольные мое радение похвалили и велели перевести и обличение написать»,—сообщает об этом сам Крижанич.

Особенной близости Крижанич, вероятно, достиг во взаимоотношениях с Морозовым. Этот влиятельный русский правитель чаще других упоминается в его сочинениях. Характерно, что весьма резкий и нелицеприятный в своих отзывах о людях,

¹ «Челобитная», 1676 г. Полный текст ее см. у *Белокурова*, Из духовной жизни московского общества XVII в., стр. 259—263.

Крижанич с большим уважением относится к Морозову. Он почтительно называет его «муж вечные славы достоин»¹.

В характеристике Морозова Крижанич был, очевидно, гораздо более проникателен, чем его современники, сохранившие о Морозове весьма неблагоприятные воспоминания. Взгляд Крижанича может до некоторой степени служить в пользу той реабилитации Морозова, которая была предпринята П. Смирновым в его книге².

Морозов, видимо, удовлетворял требованиям, с которыми подходил Крижанич к идеальному государственному деятелю. По мнению Крижанича, последний должен был в своей деятельности исходить не только из «дельного отведения», т. е. практического опыта, но и от «книжного учения» («философское учение есть потребно»).

В основу этого рассуждения, возможно, положен какой-то реальный момент из бесед Крижанича с Морозовым, когда последний, увлеченный рассказом Крижанича, воскликнул: «Зачем яз несмь млажий, да бех могел ся чесо научить!» (т. е.: «отчего я не молод, чему бы я еще смог научиться!»).

Судя по всему, и Морозов с большой симпатией относился к Крижаничу, весьма участливо поддерживая его во время пребывания в Тобольске.

О Морозове и об Афанасии Осколке (встреченном им в Сибири) Крижанич вспоминал как о своих близких людях: «вы бо есть мене во моем смертном недуге от гладной смерти спасли».

Интерес к сочинениям Крижанича сохранился и после его отъезда из Москвы. В записях Приказа книг Печатного двора сохранился любопытный документ. В нем говорится о посещении Печатного двора 12 августа 1681 г. царем Федором Алексеевичем, приказавшим взять «в верх» сочинение Крижанича «Политику на чешском языке»³.

Около того же времени сочинения Крижанича оказались в библиотеке В. В. Голицына и Сильвестра Медведева. Интересовался ими Симеон Полоцкий. Можно догадываться о внимании к Крижаничу со стороны Петра Первого. Он якобы собирался даже издать его сочинения.

¹ «Русское государство в половине XVII в.», ч. 1, стр. 106.

² П. Смирнов, Правительство Б. И. Морозова и восстание в Москве в 1648 г., Ташкент 1929.

³ Белокуров, Из духовной жизни московского общества XVII в., стр. 292.

Первое упоминание о Крижаниче в печати относится к концу XVII в. Как было установлено русскими учеными Безсоновым и Белокуровым, известный голландский путешественник Витсон широко использовал рукопись Крижанича для описания Сибири. Витсон сам называет свой источник, ссылаясь на «польского монаха Фридерихуса Крижанича». Подробное сличение обоих сочинений сделано С. А. Белокуровым в приложении к его книге. Нам важно отметить этот факт, свидетельствующий об известном общественном резонансе, который приобрело одно из сочинений Крижанича в XVII в.

В этих, к сожалению, весьма лаконических сведениях о судьбе сочинений Крижанича имеется одно характерное обстоятельство. Внимание к Крижаничу проявляла совершенно определенная группа русских политических деятелей. Это были те передовые люди XVII века, которых принято считать предшественниками петровских реформ.

Знакомство Морозова, Ртищева и Ордин-Нащокина с идеями Крижанича, внимание к его сочинениям со стороны Петра I наталкивают на чрезвычайно заманчивый, но совершенно недоказуемый вывод—о прямой связи практической государственной деятельности этих людей с известными им мыслями Крижанича. Внешние обстоятельства даже благоприятствуют такому выводу. Многие из того, что Крижанич предлагал для России 60—70-х годов XVII в., нашло свое реальное осуществление в дальнейших мероприятиях правительства Б. И. Морозова. Мероприятия, на которых в свое время настаивал Крижанич, можно увидеть и в деятельности Ордин-Нащокина. «Новоторговый устав» 1667 г. как бы законодательно зафиксировал ту «ксеноласию» («гостегонство»), к которой призывал Крижанич для ограждения торговли и ремесла.

Еще теснее связь идей Крижанича с Петровской эпохой.

Говоря об идеях Крижанича, Ключевский не без основания воскликнул: «Да это программа Петра Великого, даже с ее недостатками и противоречиями»¹.

А. Г. Брикнер в своих статьях о Посошкове установил необычайно тесную идейную близость сочинений последнего творческими замыслами Крижанича. Действительно, даже в массе частных государственных мероприятий, не говоря уже об общем стремлении к развитию производственных сил страны, петров-

¹ Ключевский, Курс русской истории, ч. 3, стр. 271—272.

ская эпоха как бы воплощала программу «Политичных дум» Крижанича.

Однако помимо этого, чисто внешнего, совпадения наши источники не дают решительно никаких фактических сведений, которые позволили бы утверждать непосредственное влияние Крижанича на современную ему и последующую политику русского правительства. Это поразительное совпадение может быть объяснено лишь тем глубоким пониманием исторических судеб России, которое вообще свойственно Крижаничу.

Он уловил неизбежность политического и общественного переустройства Русского государства, определявшуюся самим ходом экономического и политического развития страны. В этом смысле именно за счет проницательности Юрия Крижанича должны быть отнесены совпадения его идей с практической политикой русского правительства конца XVII и начала XVIII в.

* * *

Творчество Крижанича как политического писателя, несомненно, сохранило свою огромную идейную привлекательность по сей день. Нас и Крижанича не делит, как это утверждал Безсонов, петровская эпоха. Напротив, Крижанич нам ближе всего именно тем, что ему удавалось, значительно опережая свое время, высказать ряд верных мыслей, дать чрезвычайно проницательные исторические и политические прогнозы.

Мы с волнением и признательностью констатируем, что Крижанич еще в XVII в. страстно призывал к объединению славян во имя борьбы с общей опасностью—немецкой агрессией. Крижанич уже тогда правильно уловил направление завоевательной политики немецких феодалов, окрещенной им метким термином «гипербазилеи» и направленной к покорению всех остальных мирных народов.

Нельзя не вспомнить также о глубочайшей для своего времени мысли Крижанича о различном характере войн: о ратях «праведных» и «неправедных». Эти идеи особенно близки нам сейчас, когда только что отгремели бои Великой отечественной войны—самой праведной войны во всей истории человечества.

«В защиту народа!—призывал Крижанич.—Хочу изгнать всех иноземцев—предводителей и ратников; а поднимаю всех днепрян, поляков, литовцев, сербов и кто только есть славянского рода

воинственный муж и кто только хочет заодно ратовать со мною».

Имя Юрия Крижанича стоит одним из первых в плеяде борцов за свободу славянства. Он выступил провозвестником идей, которые в XIX в. были подхвачены Матвеем Ненадовичем, Светозаром Марковичем—у сербов, Христо Ботевым, Василием Левским—у болгар, Яном Колларом и Людевитом Штуром—у чехов и словаков, боровшихся за независимость своих народов, видевших в их союзе с великим русским народом основу для безопасности и процветания славянства.

Образ Крижанича особенно близок нам именно сейчас, когда впервые в многовековой истории славянства объединенными силами достигнута победа над общим врагом. «Вековая борьба славянских народов за свое существование и свою независимость окончилась победой над немецкими захватчиками и немецкой тиранией»¹.

Вместе с тем только сейчас, впервые в истории, многовековые мечты славянских патриотов, начиная с Крижанича, звавших к сближению и к тесному союзу с Русью, получили реальную возможность для своего осуществления. Советский Союз—государство, в котором воплотились в жизнь великие идеи дружбы и равноправия народов,—стал не только освободителем южных и западных славян—он является опорой этих народов, строящих свою независимую государственность на основе последовательной демократии, открывая им возможность всестороннего развития в условиях прочного мира и безопасности.

В беседе с делегацией города Варшавы товарищ Сталин дал исчерпывающее определение целей и принципов этой дружбы славянских народов, особенно окрепших в совместной борьбе против немецких захватчиков. «Союз славянских народов,—сказал товарищ Сталин,—это не царский великодержавный панславизм—это союз равных славянских государств. Советский Союз как раз и стоит на страже такого союза»².

¹ Сталин, О Великой отечественной войне Советского Союза, изд. 5-е, М. 1946, стр. 193.

² «Правда» от 22 ноября 1944 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	3
<i>Глава I.</i> Патриотические идеалы Юрия Крижанича	15
<i>Глава II.</i> Исторические взгляды Юрия Крижанича	53
<i>Глава III.</i> Общественно-политические взгляды Юрия Крижанича	77

Редактор *Н. П. Точенова*

Подписано к печати 15 мая 1946 г. А 00037.
Объем 7 п. л. Тираж 15 тыс. экз. Заказ № 1188.
Цена 1 р. 50 к.

3-я типография «Красный пролетарий» треста «Поли-
графкнига» ОГИЗа при Совете министров РСФСР.
Москва, Краснопролетарская, 16.

